Ты меня (не) купишь

Автор:
Лея Кейн

Ты меня (не) купишь

Лея Кейн

Двенадцать лет назад она отказала мне. Наши пути разошлись. Я больше не мажор, она уже не студентка. Я теперь миллионер, она замужем. А еще она учительница моего приемного сына, и встретив ее вновь, я уже не намерен ее отпускать.

Содержит нецензурную брань.

Лея Кейн

Ты меня (не) купишь

Пролог. Роман

Двенадцать лет назад

– Училки-первокурсницы – это просто бомба! – смакует свое больное предвкушение Себ, пока мы несемся по ночной трассе. – Чех, ты только прикинь, они сейчас на все готовы. Это позже недотрогами в узких юбках и закрытых блузках станут. А с годами превратятся в сварливую Марьиванну.

– Да ладно, учителю физры только ботаны присунуть не хотели, – усмехаюсь я, затягиваясь раздобытой другом травой и идя на обгон.

– Валерию Геннадьевичу?

– Ты идиот? Я о Светлане Денисовне. Багажник у нее был что надо.

Себ громко ржет. В старших классах по этой Светлане Денисовне не сохли только девки, но ревновали нас к ней. И это они еще не знали, какие слухи о Светланке ходили. Заглатывала, говорили, не морщась. Но сучка ученикам отказывала. Хочешь трахнуть физручку – выпустись. А когда мы с Себом выпустились, ее уволили. Твари безжалостные!

Тормозим у дома, из которого грохочет музыка. Народу – завались. Даже во дворе толпятся. Себ носком ботинка тушит окурок, а я оглядываю особняк.

– Бля-я-я… Такой же хочу.

– Губу закатай, – усмехается он, хлопнув меня по плечу. – Папаша твой тебе, распиздяю, ни копейки не даст. Брату твоему меньшому домину отгрохает. Он же у вас молодец. Кадет, солдат, по контракту третий год служит. А ты так – дерьмо на лопате.

Дерьмо или нет, а в двадцать пять пора бы кончать с тусовками.

– Ха, ну поглядим! Через жопу вывернусь, но построю себе такую виллу, что весь город охуеет!

– Окей, я у тебя жить буду, – ржет Себ, подталкивая меня к воротам. – Но это лет через сто случится. А свежее мясо нас уже сейчас ждет.

Он прав. Нас ждут первокурсницы педагогического. Пора бы посвятить их в студенточки сакральным трахом.

Пойло на вечеринке само собой – отстой, а без него хер не на каждую встанет. Хотя радует, что девчонки подсуетились облегчить знакомство. Напялили на себя карнавальные маски. В таком случае выбирать проще – фейса не видно,

самому можно нафантазировать красотку с обложки модного журнала, достаточно только габариты бампера и сисек заценить.

– Кажется, я нашел себе дырку, – докладывает мне Себ после очередной стопки и кивает на длинноногую блонди в красном мини.

Доска доской. Черт знает, чем она ему приглянулась.

– Э, гондоны оставь! – Дергаю его за руку, едва он делает шаг по направлению к телке.

Пошатываясь, Себ вынимает из кармана ленту и пытается разделить. Я отрываю один, протягиваю ему и посмеиваюсь:

– Тебе хватит!

Похоже, это его даже не задевает. Молча разворачивается, ориентируется, куда шел, но переключается на рыжеволосую кудряшку – низкую и пышную. Допился бедолага! Решаю не задерживать его. В таком состоянии ему и одной резинки много будет.

Тянусь к единственному стакану с какой-то мутью, но рука сталкивается с другой протянутой рукой. Я бы даже сказал – ручкой: тонкой, белой, ухоженной. Длинными пальцами бы на пианино играть.

Поднимаю свою пьяную рожу и вижу улыбающегося ангела в золотистой маске с черным пером. Ее русые волосы крупными кольцами лежат на обнаженных плечах, и я вдруг ловлю себя на мысли, что хочу быть бретельками ее коктейльного платья. Безотчетно протягиваю к ней руку и тыльной стороной ладони провожу по бархатной коже.

Белозубая улыбка меркнет. Незнакомка делает шаг назад, уколов меня ярко-зелеными глазищами. Блядь, почему я уверен, что она красотка? Да, фигура – огонь, сиськи упругие – что-то между твердой «двоечкой» и слабой «троечкой». Ну и хер с ним, зато видно же – свои! Попка торчком, талия – рукой обвить можно. Но лица-то толком не разглядеть!

Твою мать! Пока фантазирую, как отодрал бы ее, она растворяется где-то в толпе.

Подрываюсь с места, расплескав содержимое стакана, который так никому и не достался, и мчусь за ней. Срать на остальных. Ее хочу! Здесь и сейчас!

Кручусь, как умалишенный, наконец отыскав ее мелькнувший силуэт. Тащу себя следом и думаю, что Себ высмеял бы меня, увидев, как у меня слюни текут.

Девчонка поднимается на второй этаж и юркает за дверь ванной. Не позволяю ей запереться, вовремя подставив ногу.

– Ты что себе позволяешь? – возмущается она, своим ярким голосом окончательно выбивая почву у меня из-под ног. Ну точно – будущая училка! Речь уже поставленная, мямлить не будет. А мне так и хочется услышать: «Рома – плохой мальчик. Рома будет наказан».

– У тебя что, татуха? – Указываю на ее шею, где под волосами виднеется рисунок синей бабочки. Просто не представляю, с чего еще разговор начать. – Не возьмут на работу в школу. Выводить заставят.

– Она временная, – напрягается девчонка, пытаясь вытолкать меня за дверь. – Да выйди ты, я писать хочу!

– Я отвернусь.

Она поднимает лицо, оглядывает меня и хмыкает:

– Тебе сколько лет? Вроде взрослый, явно не студент.

– Был когда-то. Уже дипломированный специалист.

– Так пора бы на работу устроиться, семьей обзавестись, а не за молоденькими студентками бегать.

– А ты выйдешь за меня?

Она мотает головой, обессиленно опустив плечи и скрестив руки на груди.

– Слушай, если ты из тех, кто здесь ради секса, то ищи себе другую.

– Почему? Не в твоем вкусе? – Плечом опираюсь о косяк, ногой настежь распахнув дверь. – Ладно, не будем спешить. Давай познакомимся. Я Роман. Братаны Чехом называют. Для тебя просто – Роман Алексеевич.

Она смеется – коротко, но естественно.

– Отлично. Номер банковской карты?

– Быстро ты в роль жены вжилась, – смеюсь в ответ, как дебил завороженный. Ее бы раком загнуть в этой ванной и заставить рыдать от возбуждения, а я тут какое-то знакомство заладил. – Ну? Тебя-то как зовут?

– Угадай, – интригует она.

Вот мерзавка! Играет со мной, даже не догадываясь, что у меня член уже гудит от напряжения.

– Бабочка, – выдаю с ходу.

– Вау! Действительно дипломированный специалист.

– Я же говорил – профи, епта!

Она осуждающе кривит губы от крепкого словечка.

– Плохие учителя были у тебя, Роман Алексеевич. Даже грамотной речи не обучили.

– Так в чем дело? – Я делаю шаг вперед, надвигаясь на Бабочку и заставляя ее пятиться. – Обучи ты. Папаша у меня при бабосах. Оплатит любимому сыночку репетиторшу.

Бабочка усмехается, выставив вперед руку и упершись ладонью в мою грудь.

– Ты меня не купишь, Роман Алексеевич.

– Еще как куплю. Не сегодня, так в другой раз.

– Ну если только лет через десять-двенадцать, – уверенно заявляет она.

– Я подожду. Уверен, ты и тогда будешь такая же охренительная.

– Лишь бы ты стал самостоятельным. А то вдруг папа престарелому сыну своих бабосов не отвалит.

Ах ты ж ежик колючий! Я уже залип на эту девку. Только она хоть и язва, а однозначно – целка. Но не настолько же я козел, по пьяни лишать девственности понравившуюся красотку, да еще и в чьем-то доме, где на каждом шагу гордые обладатели и разносчики венерических.

– Ты бросаешь мне вызов, Бабочка! Лет через десять-двенадцать у меня собственный дворец будет.

– Ну да, ну да, – смеется она, – а еще сад, конюшни, тачки, вертолет, бизнес и высокое положение в обществе.

– Все ради тебя. – Я руками опираюсь о стену, в которую она упирается спиной, и блокирую ее телодвижения. – Не веришь? Сама же еще прилетишь ко мне на огонек.

Бабочка замирает, а я спускаюсь к ее шее, кончиком носа провожу по пульсирующей венке и слегка касаюсь ее губами.

– Свежая ты, как море.

– А ты пьяный, как свинья! – Она все-таки отталкивает меня, обходит и дефилирует к двери, изящно покачивая бедрами при каждом стуке каблука.

Расправив плечи, сую большие пальцы в карманы джинсов и с ухмылкой смотрю ей вслед. А ведь есть в нашем разговоре зерно истины. Если нормальную бабу хочу заполучить, то за голову браться пора.

– Встретимся, когда у тебя будет все, что ты запланировал, – говорит она на прощание, всего на миг задержавшись в дверном проеме. – Удачи, Роман Алексеевич.

Встретимся, Бабочка, обязательно встретимся. И я тебя однозначно куплю! Не за бабки. На них ты, правильная моя, не ведешься. В моем арсенале такое оружие, что выстрелю прямо в сердце, опомниться не успеешь.

Глава 1. Дарья

Наше время

Три года я ждала свободной вакансии в сто первой школе. Она и к дому ближе, и руководство там шагает в ногу со временем.

– Пожалеете, Дарья Николаевна, что от нас ушли, – шипит директор, люто презирая меня за внезапный перевод спустя две недели после начала учебного года, и размашисто подписывает заявление.

По чему скучать? По каждодневным планеркам, на которых директор орет из-за всяких мелочей, как припадочный? По меловым доскам, которые давно пора списать и заменить интерактивными? По быдло-уборщицам, которые визжат, стоит пройти по вымытому полу?

– Посмотрим, – сдержанно отвечаю я, забирая свою бумагу. – У меня к вам просьба будет, вы моих четвероклашек Ирине Сергеевне отдайте. Они ее очень любят.

– Они и вас любят. Ступайте, Дарья Николаевна, без вас разберемся.

Из школы я ухожу чуточку раздавленной. Жалко мне своих ребятишек. Привыкла к ним за три года, прикипела. Хорошо, что в сто первой мне первоклашек дают. Они за две недели еще толком не адаптировались, так что будем вместе к новому месту привыкать.

– Вот, Дарья Николаевна, ваш класс! – представляет мне потерянных детей мой новый директор, Елена Михайловна.

Так вышло, что Тамара Павловна срочно уволилась прямо перед первым сентября, и учениками занимались те, кто посвободнее, рассказала она мне накануне. Сегодня один учитель, завтра – другой. Так что мне предстоит много работы. Справлюсь? Должна!

– Дети, это Дарья Николаевна. Ваш новый учитель! Будьте послушными и прилежными.

Директор оставляет меня наедине с классом, и я, как положено, начинаю знакомство с переклички. Прошу каждого названного ребенка встать и показаться мне. Память у меня хорошая, так что завтра уже всех поименно и в лицо знать буду.

Сейчас еще рано делать выводы, кто из них будет отличником, кто ударником. Зато задир и хулиганов сразу видно. Стоит дойти по журналу до буквы «Л», как некий Логинов Артур, мужчина семи лет от роду, вместо дежурного приветствия спрашивает:

– Дарья Николаевна, а у вас грудь какого размера?

Чего и следует ожидать, часть детей смеется, еще часть краснеет, а самые растерянные просто ждут продолжения.

– Артур, давай сделаем вид, что ты ничего подобного не спрашивал, – снисходительно прошу я, – и начнем наше знакомство заново.

Он, откровенно усмехаясь, разваливается на стуле, и я чувствую, что с этим сорванцом будет сложнее всего. На уроках он отвлекается, не слушается. На переменах шкодит, дразнит девочек, задирает мальчишек. А к финалу моего

первого дня еще дымит в туалете неизвестно где взятой сигаретой. Как назло, ловит его не уборщица, которая просто за ухо притащила бы его в кабинет и отдала мне на растерзание, а сама директор.

– Дарья Николаевна, на этого ученика мне каждый день жалобы поступают, – говорит Елена Михайловна, когда заходит ко мне после уроков, чтобы узнать, как прошел первый день. – Я уже родителей в школу вызывала. Но в первый раз пришла няня. Во второй – старшая сестра-студентка. К сожалению, у Артура не все гладко в семье. Он под опекой родного дяди. А у того, видимо, нет ни времени, ни желания заниматься его воспитанием. В общем, вам предстоит трудная работа.

– Ничего, – вздыхаю я. – Трудности я люблю. А могу я взглянуть на его личное дело?

– Конечно. Тамара Павловна еще в августе все в компьютер внесла. Изучите, подумайте, как работать с мальчиком. У нас отличный психолог. Всегда рад помочь.

– Спасибо.

– А в целом как? Вам у нас нравится?

– Да, чудесная школа. И класс отличный, целеустремленный.

– Вы с коллегами не стесняйтесь общаться. Класс классом, а от положения в коллективе многое зависит, – советует мне Елена Михайловна перед уходом.

Но мне сейчас не до коллектива. Мне надо срочно решать вопрос с трудным учеником, пока он не заставил меня пожалеть о переводе.

– И организуйте классное родительское собрание, – добавляет она уже на выходе. – Вам родительский комитет нужно утвердить, узнать мам и пап поближе.

– Да, этим и займусь.

В компьютере нахожу кучу папок, в которых еще предстоит разобраться. Отыскиваю личные дела, открываю файл «Логинов» и вчитываюсь.

Логинов Артур Глебович… Так-так-так… От прочитанного волосы дыбом. Мать в психиатрической лечебнице, отец в тюрьме. Откуда же ребенок уравновешенным-то будет?!

Дотягиваюсь до кулера, набираю стакан воды и, поднеся ко рту, читаю дальше.

Опекун – Чеховской Роман Алексеевич…

Захлебнувшись, обливаюсь водой и откашливаюсь. Тот случай, когда жалеешь, что у тебя хорошая память!

Бросив стаканчик в мусорную корзину, стягиваю шелковый платок с шеи и стряхиваю им с себя воду. Ну вот, вся блузка мокрая. Теперь ждать, пока высохнет. Не идти же в таком виде домой.

Снова смотрю на экран. Нет, не показалось.

У меня пальцы начинают подрагивать от волнения. Я же этого Романа Алексеевича со своего посвящения в студенты помню. А прошло уже двенадцать лет. Просто сложно забыть дерзкого кобеля, который в то время ничего собой не представлял, а сейчас город в своем криминальном кулаке держит. Сколько новостей я о нем пересмотрела и перечитала. Он буквально рос на моих глазах. И ведь добился всего, о чем тогда в пьяном угаре договорились. Построил себе огромный дом в пригороде, открыл ночной клуб, машины самые крутые из заграницы привозит, вертолетная площадка прямо во дворе. Не понимаю только, почему Артура в эту школу отдал? Она не новая, далеко от дома. Мог бы в частную мальчишку отдать, или вообще семейным обучением обойтись.

Так или иначе, теперь я учительница его приемного сына, а по совместительству племянника, и мне рано или поздно придется снова встретиться с ним лицом к лицу. И я безумно рада, что в тот вечер была в маске. За столько лет он уже и не помнит меня. А даже если помнит, что с того? Он дважды был женат, если мне не изменяет память. Позже был помолвлен с какой-то итальянкой, но у них что-то не срослось. А сейчас рядом с ним такие модельки крутятся, что вряд ли он повторит свой дешевый подкат к пресной училке. Мне уже не восемнадцать. Да

и… должно же смутить его обручальное кольцо на моем пальце.

Стоит вспомнить о муже, как на завибрировавшем телефоне высвечивается «Степа».

– Я сегодня на тренировке задержусь, – сообщает он. – Ужинай без меня.

Муж у меня всегда краток. Боец под два метра ростом, кандидат в мастера спорта. Из-за прошлогодней травмы немного в депрессию впал, но уже становится бодрее. Я люблю его именно за то, что он такой, какой есть. Не притворяется быть кем-то другим. Он далеко не романтик и убежденный чайлдфри. Выходя замуж, я была уверена, что последнее не станет помехой нашему счастью, потому что я ежедневно окружена детьми. Но чем старше становлюсь, тем сильнее обуревает желание завести родного ребеночка. Хочется, чтобы меня не Дарьей Николаевной называли, а мамой. И от тоски порой тихо плачу в подушку. Пытаюсь Степе намекнуть о своей мечте, но он не понимает, а если и понимает, то делает вид, будто не слышит. Прямо сказать тоже не могу. Знала, за кого замуж иду. Он мне сразу все обозначил: на первом месте спорт, на втором – жена, на третьем – достаток. Больше ни для чего в его жизни места нет.

– Жаль, – вздыхаю я. – Я думала взять красного полусухого. Отметили бы мой первый день в новой школе.

– На выходных отметим. Давай, мне на спарринг пора.

– Целую.

Я откладываю телефон, тяжело вздохнув. Не думаю, что Степе все равно, понравилось ли мне на новом месте. Не спросил, как дела, наверное, потому что сильно занят, или потому что знает, что я все преодолею. Он никогда в моей силе не сомневается.

Переключаюсь на работу. Изучаю расписание уроков и решаю в пятницу все же организовать родительское собрание. Но для начала надо представить себя родителям. Почти час вношу в телефон их номера, создаю чат в мессенджере, приглашаю туда всех пап и мам и замечаю, что нервничаю, сохраняя номер Чеховского. Как он меня тогда назвал? Бабочкой?

Рефлекторно пальцами касаюсь шеи на месте татуировки и смеюсь, вспомнив, как сказала ему, что она временная. Надо не забыть надеть платок, а то еще сбудутся его предсказания – Елена Михайловна увидит и выводить заставит. Надо же! Столько лет прошло, а я до сих пор не забыла.

«Добрый день, уважаемые родители! Меня зовут Городецкая Дарья Николаевна. Я новый учитель первого «в». Сегодня познакомилась с вашими детками. Надеюсь, мы с ними подружимся. Приглашаю вас в пятницу на родительское собрание в 18:00 в кабинете «204». Желательно присутствие хотя бы одного родителя. Решим самые насущные вопросы и обговорим планы на текущий учебный год. Домашнее задание детям пока не даю. Всем удачной недели».

Разумеется, сразу сыплются десятки сообщений. Кто-то здоровается, другие спрашивают о расписании, третьи возмущены питанием в столовой. Чат разрывается от вопросов и спама типа «Потерялся наш кот, помогите найти» до возмущения, почему рабочие тетради родители покупают за свой счет. И только с номера Чеховского не приходит ни единого сообщения. Хотя заглядываю к нему в личку и вижу, что он онлайн. Интересно, читает? Листает? Или это вообще номер няни Артура? На аве какой-то цветок.

Вздохнув, осмеливаюсь написать вдогонку еще одно сообщение:

«С родителями отдельных детей хотелось бы встретиться в удобное для них время. Прошу папу Артура Логинова отписаться мне в личку».

Господи, зачем я это делаю? Веду себя, как девочка, мечтающая встретиться с олигархом, чья душонка запачкана самыми грязными грехами. Но с другой стороны – не избегать же его теперь! И его подопечный действительно срывает уроки, обижает одноклассников и нарушает школьные правила.

«Здравствуйте, Дарья Николаевна! Я сестра Артура Логинова. Вы просили написать вам».

Ну вот, не угадала. Это номер сестры.

Не успеваю набрать ответ, как девушка звонит мне.

– Алло, – отвечаю мягко.

– Дарья Николаевна? – слышу нежный голосок. – Меня зовут Лучиана. Не удивляйтесь, это мое настоящее имя. Мой папа итальянец. А то многие не верят, думают, Арти снова врет.

– Лусиана…

– Лучиана. Чэ. Чайка, – поправляет она меня, очевидно с улыбкой.

– Простите, Лучиана. Я все же хотела бы поговорить о поведении Артура с его законным опекуном. Вы оповестите его, пожалуйста. Если мы совместными усилиями не примем меры, мальчика могут определить в специализированную школу для трудных детей. Это в лучшем случае. Он сегодня курил. За это, как минимум, на родителя налагается штраф. Роману Алексеевичу тысяча по карману не ударит, но Артур – мальчик с определенным авторитетом. В нашей школе он самый богатый ученик. Многие дети захотят на него равняться. Дурной пример заразителен.

Девушка протяжно вздыхает. Похоже, дождаться ответственности от Романа Алексеевича даже сейчас, двенадцать лет спустя, задача не из простых.

– Я постараюсь, – отвечает она. – Во всяком случае, вы всегда можете обратиться ко мне или к Вере Ивановне. Это няня Арти. Иногда он к ней прислушивается.

– Буду иметь в виду. Но конкретно сейчас Артур нуждается во вмешательстве мужчины в его воспитание.

– Я вас поняла. Спасибо. Вы очень милая.

Мои губы растягиваются в улыбке. В тридцать лет приятно слышать комплименты даже от девушек, даже по телефону. Не то, чтобы я ими обделена, просто в юности они сыпались чаще.

Я прощаюсь с Лучианой и обнаруживаю сорок восемь непрочитанных сообщений в чате. Вечер обещает быть нескучным.

Глава 2. Роман

Твою мать, это самый тухлый вечер в моей жизни! Но у моей куклы сегодня днюха. Девятнадцать, как-никак. Почти взрослая. Хотя о взрослости говорить там слишком рано. Моя племянница на год младше, а ума куда больше.

А кукла моя вдруг захотела провести вечер вдвоем: пить кислое шампанское, слушать тупую молодежную музыку и позволить мне наблюдать, как она распаковывает гору моих подарков. То еще зрелище.

– Вау! Ромочка! Это же тот самый браслетик, что я тебе показывала! – визжит истерически, прыгая на месте и хлопая в ладоши. К счастью, буфера радуют глаз, подпрыгивая и рвясь из пеньюара наружу. – Ты запомнил… – дует она губки, залезая ко мне на колени. – Ты такой пуся…

Трудно не запомнить, когда она три месяца подряд носом тыкала меня в свой гребаный журнал.

Я вяло кручу в руке полупустой бокал и думаю лишь об одном: лучше бы сунул ей веник за двести баксов и трахнул ее где-нибудь в толчке своего клуба. Нахера подписался вдвоем отмечать эту знаменательную дату?!

– Ромочка, ты чего такой кислый? – Она расстегивает верхние пуговицы моей рубашки и залезает под нее своими пальчиками. – Заболел?

– Я не кислый, тебе показалось. – Допиваю шампанское, отставляю бокал на пол и подхватываю куклу под бедра. – Давай-ка я тебя самым классным подарком угощу. – Бросаю ее на кровать и начинаю расстегивать ремень своих брюк.

– Ну Ро-о-ом, – тянет она, – я еще не все коробочки открыла. Разве тебе не интересно, все ли мне понравится?

Охуеть! Еще бы тебе не понравилось! Если твои подарки в магазины вернуть, то на собранные бабки можно квартиру купить!

– Ро-о-ом, – она закусывает губу, подогнув одну ногу и поймав мое внимание скользнувшим с бедра шелком пеньюара, – а ты случайно колечко среди подарков не припрятал?

Блядь, аж воздухом давлюсь! Кукла что, на предложение намекает? Прости, детка, но я уже дважды был женат на таких, как ты, и один раз помолвлен.

– Нам же и так хорошо. – Вытаскиваю ремень и принимаюсь расстегивать оставшиеся пуговицы.

– Ну Ро-о-ом, – нудит она. – Мы с тобой уже пять месяцев вместе.

Нет, кукла, мы не вместе. Просто я ебу тебя уже пять месяцев. А это не одно и то же.

– Когда ты меня со своими родными познакомишь?

Никогда! У меня отец только недавно рак победил. Представлю ему куклу – и тут же в могилу загоню.

– Попозже. Не капризничай, а то я рассержусь.

Она опять дуется. Подбирает ноги, садится и скрещивает руки на груди.

– Я не хочу щекотушек, – бурчит. – Ты мне все настроение испортил.

Ебаное все! Я и сам уже ни хрена не хочу. Хорошо, что Лучик вовремя звонит. Хоть отвлекаюсь от куклы.

– Тебя где опять носит? – возмущается, и не подумав поприветствовать родного дядьку.

– Не ори! Дом горит, что ли?

– Горит. Но не дом, а школа. Вернее, скоро сгорит, если Арти так и будет в ней поддымливать.

Задрал меня этот мелкий пиздюк!

– Сколько там за штраф отвалить надо? – устало вздыхаю, уже тупо чувствуя себя кошельком для всех.

– У него наконец-то постоянный учитель появился. Она хочет встретиться с тобой.

– Лучик, со мной все бабы хотят встретиться. Отправь Веру к ней. Пусть с ней все решает.

– Она настаивает на встрече с тобой. В пятницу будет родительское собрание.

Еще бы я в этом сектантском мероприятии участие не принимал!

– Тогда отправь Фазу. Пусть представится мной и поговорит с той старой брюзгой.

– С чего ты взял, что она старая? – удивляется Лучиана. – По голосу не скажешь. И Артур говорит, что… В общем, если дословно – училка секси, сиськи улет. Вот!

Хм… А этот пацан ничего. Вкус у него хороший. Пожалуй, доверюсь. Схожу, гляну, что там за секси с улетными сиськами. Тем более мне явно надо отвлечься от куклы. Кого-то постарше отодрать.

– Ро-о-ом, – отмирает кукла, прильнув ко мне, – а ты меня заводишь, когда так сосредоточен.

Сосредоточен, епта! Хрена себе, какие слова она знает.

Глажу ее по голове и лыблюсь:

– Ты же сказала, что не хочешь щекотушек.

– Я передумала. Посидела, подумала и поняла, что жить без тебя не могу.

Или без моего бабла. Ведь не клюнула бы на тридцатисемилетнего дядьку, будь он сантехником.

– Но я обиделся, Кристиночка, – отвечаю и размышляю, верно ли ее имя назвал. Паршиво будет, если она окажется какой-нибудь Кариночкой, а я облажался прям на ее Днюхе.

– Ро-о-ом, ну прости-и-и…

– Хорошо, уговорила, – скалюсь еще шире, как полоумный беглец из психбольницы. – Ты иди пока в душ, а я свечи зажгу.

– Ты купил свечи? – Ее глаза загораются.

Ой, дура!

– Ага, – киваю, разворачивая ее к двери ванной. – Ты иди-иди.

Счастливая до предела, она топает в нужном направлении, а я беру мобилу и ствол и валю отсюда поскорее. Не знаю, какого черта терплю ее так долго? Наверное, старею. Задолбался бегать в поисках, кому бы присунуть. А тут всегда на все готовая кукла. Пусть не дочь депутата, зато мозг почти не выносит.

Заваливаюсь в машину, разбудив дремлющего за рулем Фазу.

– Быстро вы, босс, – вздыхает он, разминая шею. – Куда едем?

– Домой.

Нравится мне, что он не задает много вопросов. Покорный, исполнительный и толковый, хоть и молодой совсем. Даже двадцати пяти еще нет.

Заводит тачку и выруливает со двора, а я отправляю Лучику сообщение с просьбой дать мне номер училки. Минуты не проходит, как я вношу его в телефонную книгу, открываю мессенджер и увеличиваю фотку на ее аватарке. От увиденного в паху жечь начинает. Деловая, в строгом костюме, с собранными волосами, но все равно сексом от нее прет. Или мне уже мерещится, потому что

устал от кукол и жажду нормальную бабу трахнуть.

– Глянь, как тебе? – показываю училку Фазе.

Он бросает ничего не значащий взгляд на телефон и снова переключается на дорогу.

– Норм.

– Мне иногда кажется, что ты бесполое существо, – фыркаю. – У тебя хоть подружка-то есть? А то я начинаю сомневаться в наличии у тебя личной жизни. Выходные не просишь, раньше с работы не уходишь, задерживаешься по любой моей прихоти… Училка это пацана моего. В школу вызывает.

– Когда моего отца вызывали в школу, он не радовался, а ремень доставал.

Бля, ремень! У куклы забыл. Сейчас нафантазирует себе невесть что.

– А когда моего вызывали, я из дома сбегал, – усмехаюсь, снова взглянув на училку.

Красивая, сучка. Глаза – огонь, кожа свежая, здоровая, ничем не испорченная, волосы блестят.

Напишу-ка я ей. Нет! Я же не задрот какой-то. Позвоню.

Набираю номер и прислушиваюсь к гудкам. Училка не отвечает, и я живо представляю, как она принимает в это время душ, растирает по своему стройному телу пену, гладит все свои изгибы и округлости, возбуждается и начинает шалить… От разыгравшегося воображения звезды перед глазами мелькать начинают.

– Алло, – отвечает так внезапно, что на мгновенье даже теряюсь. – Слушаю. Говорите.

Мать твою, вот это голос! Я уже ради него с ней увидеться хочу.

– Добрый вечер… – А как ее зовут-то???

– Здравствуйте.

Лучше бы она молчала. От каждого ее нового слова у меня член вибрирует. С таким голосом она могла бы и покруче работу найти, чем за сраные копейки дебилов уму-разуму учить.

– Я дядя Артура Логинова. Вы просили с вами связаться, – отвечаю с привычным мне шармом. Люблю тоном похрипеть, девки тогда фонтаны кипятка извергают.

Теперь с ее стороны в диалог вступает гробовая тишина. Я даже отнимаю телефон от уха, решив, что связь прервалась. Ни черта – счетчик тикает.

– Роман Алексеевич…

О да! Черт подери, скажи это еще раз, крошка! Пожалуй, я буду звонить тебе по ночам, когда кукла не в настроении щекотушками заниматься.

– Верно, – произношу все с той же ярко выраженной дерзостью в голосе. – А вас, простите, как зовут?

Она почему-то нервно откашливается:

– Дарья Николаевна.

Дарья… Даша… Дашуля…

– Роман Алексеевич, – вырывает она меня из мира грез, – меня беспокоит поведение Артура. Мальчик сейчас в том возрасте, что…

– Тс-с-с… – перебиваю я ее, хотя слушал бы и слушал, не пори она чушь. – Я подъеду завтра в школу после шести вечера. Дождитесь. Все обсудим. И… – я делаю паузу, слушая ее сбившееся дыхание, – не вносите меня в чат класса. Мне плевать, какой перловкой кормят в школьной столовой, какие жуткие шторы в актовом зале и почему вместо музыки послезавтра математика. Этими вопросами занимается няня Артура.

– Но…

– До завтра, Дарья… – нарочно замолкаю, инсценируя кратковременную потерю памяти.

– Николаевна, – обозленно напоминает она.

– Да. Спокойной ночи. Дарья. Николаевна. – Не дожидаясь ее ответа, прерываю звонок и, сжав телефон в кулаке, восклицаю: – Да, да, да, черт возьми! Я не я, если она не окажется в моей постели!

– Понятно, – монотонно бормочет Фаза. – Мы по-прежнему домой? Или вернуть вас к Кристине?

Я опускаю взгляд на свой пах, где свободная рука лежит прямо на стояке. Вспоминаю о кукле и чувствую, как кровь возвращается на место. Не хочу ее. Надоела.

– Нет, – вздыхаю огорченно. Умеет же Фаза тоски нагнать. – Домой.

Глава 3. Дарья

Домой Степа возвращается глубоко за полночь. Не принимая душ, укладывается в гостиной на диване. Скорее всего, не хочет меня разбудить. Знал бы, что не сплю, лег бы в нашу постель. Но не зову его, хоть и соскучилась. Мысли другим заняты. Не хочу имитировать возбуждение: не заслужил он такой подлости.

В десятый раз разблокирую телефон. Жду чего-то, сама не знаю – чего. Очередного звонка от наглеца Чеховского? Сообщения от него? Зачем? Почему? Я больше не студентка, он не мажор. Мы взрослые люди, каждый со своей историей. У меня она не такая насыщенная, как у него, зато я счастлива в браке. А все, что нас связывает – глупый пьяный диалог двенадцатилетней давности и проблемный ребенок в настоящем.

Пытаюсь переключиться на абсурдные посты и блоги, но неосознанно открываю старые новости о Чеховском. Разглядываю фотографии, где он всегда в компании какой-нибудь барби. Возмужавший, разросшийся в плечах, нашедший свой брутальный стиль циник с космическим счетом в банке. Многократно замешанный в криминале, но всякий раз выходящий сухим из воды. Опасный тип, какой бы располагающей улыбкой ни брал.

Пожалуй, мне стоит морально подготовиться к встрече с ним. Главное – не робеть, не запинаться. Я должна руководить ситуацией, забыв обо всем.

Выспаться так и не получается. Встаю рано, готовлю завтрак и, тихонько поцеловав спящего с подушкой в обнимку Степу, ухожу.

В школе меня уже поджидают коллеги. Всем не терпится познакомиться и узнать, почему до сих пор не представилась им, не посидела в учительской за чашкой чая. Отвечаю, что попозже обязательно со всеми поболтаю, а сейчас тороплюсь к ученикам.

Артур снова ведет себя по-хамски. Вчера с ним явно никто так и не провел ни единой беседы. То юбки девочкам задирает, то посреди урока молча по кабинету шатается, то в телефоне зависает, даже не удосужившись отключить звук своих игр. В предыдущем классе у меня тоже была пара трудных ребят, но я знала их слабые места. Здесь же просто в растерянности, что делать? Бежать к Елене Михайловне и дать ей повод усомниться в моей работоспособности? Она говорила мне о психологе. Вот с него и начну разговор, когда Чеховской придет.

После уроков занимаюсь обычной бумажной волокитой, полчаса все-таки провожу в учительской, где молодые коллеги делятся со мной главной сплетней этого года: «Повезло тебе. Племянник самого Романа Чеха в твоем классе». А в чем, собственно, повезло? Деньги из него тянуть я не собираюсь. Флиртовать и подавно. Сами бы с этим мальчиком поработали, посмотрела бы, как бы они потом заговорили.

– А почему он мальчика именно в эту школу отдал, вы не в курсе? – осторожно интересуюсь. И ответ получу, и в коллектив вольюсь, как истинная поклонница учительских сплетен.

– Он когда-то сам эту школу оканчивал. И сестра его, и брат. В общем, свое, родное.

Да, похоже, Чеховской элементарно решил не заморачиваться.

В половине шестого звонит Степан. Забыла предупредить его, что задержусь. Он немного злится, но обещает приготовить ужин и дождаться меня, не засыпать. Убеждаю его, что он не успеет ни то, ни другое до моего прихода, и он немного смягчается, услышав мой смех.

Стрелки часов продолжают свой бег, и у меня во рту пересыхает от волнения. Еще чуть-чуть – и сбудутся прогнозы моего бывшего директора: пожалею, что перевелась в эту школу.

Ровно в шесть сердце замирает под стук в дверь. Подпрыгиваю в кресле, нервно поправляю блузку и платок, провожу рукой по туго собранной «ракушке» на затылке, придвигаю к себе тетради и, откашлявшись, отзываюсь:

– Да-да, войдите.

Двенадцать лет назад Чеховской открывал двери с ноги. Но с годами развил в себе человеческие навыки. Правда, в кабинет входит прежней неторопливой, царственной походкой, словно он здесь барин, господин и сам бог. Уже не в майке и джинсах, а в строгом костюме, лакированных туфлях и в распахнутом полупальто со стоячим воротом. Его модно стриженые волосы стильно уложены. Короткая обработанная мастером щетина придает ему колоритности, а дорогой парфюм и вовсе кружит голову. Самец во всех смыслах. Тестостерона столько, что поделиться может.

Мне должно быть стыдно, что разглядываю его. Дома муж ждет, который фактически живет в тренажерке. Мне прекрасно знакомы все бицепсы и трицепсы. Каждый угол шикарного мужского тела наизусть знаю. А все равно на Чеховского во все глаза таращусь.

– Надеюсь, я не ошибся кабинетом, – скалится он, обнажая белоснежные зубы. Берет у стены стул, ставит его по другую сторону стола, садится и начинает медленно стягивать кожаные перчатки. – Холодно сегодня. Дождь.

Я бросаю взгляд на окно. Утром было солнечно. Я даже не подумала плащ прихватить.

– Роман Алексеевич, – представляется он, через стол протянув мне руку и заставив вздрогнуть. – Чеховской. Дядя Артура Логинова.

Смотрю в его пронзительные, замораживающие на месте серо-голубые глаза и сглатываю. Он будто насмехается надо мной, наслаждается моим смятением.

– Дарья Николаевна, – выдавливаю я, вложив свои пальцы в его широкую горячую ладонь.

– У вас очень красивые пальцы. Тонкие, изящные. Ими бы на пианино играть, – замечает он, и я облегченно выдыхаю – не узнал. Слава небесам!

– Я играю, – зачем-то отвечаю, но вовремя спохватываюсь, выдергиваю руку из его захвата и распрямляю плечи. – Я очень рада, что вы нашли свободную минутку, Роман Алексеевич…

– Оставьте формальности. Можно просто – Роман.

Я коротко откашливаюсь, смаргиваю это позволение и продолжаю:

– Меня очень тревожит неуравновешенность Артура…

Чеховской шире разводит полы пальто, расстегивает пуговицу пиджака и ослабляет галстук. Я замолкаю, завороженно наблюдаю за его привычными, даже ленивыми движениями, замечаю показавшуюся над воротником татуировку огненного пламени. Сразу представляю, как она спускается вниз, опоясывает его руку, ползет по груди или спине. У него наверняка красивое тело. Не бойцовское, как у Степана. Тот-то у меня совсем зверь. Скорее – сексуальное, аппетитное. Такое, что у любой женщины коленки подгибаются, глядя на кубики на его животе.

Мои пальцы тянутся к шее. Касаюсь платка там, где он скрывает мою татуировку, и опускаю взгляд. Подловил все-таки, что я замешкалась.

– Он уравновешенный, – отвечает Чеховской, не потеряв суть разговора. А мне приходится лихорадочно вспоминать, на чем я остановилась.

– Я понимаю, вам неприятно слышать такое о своем подопечном, – проговариваю я, ощущая жуткое першение в пересохшем горле. – Для каждого родителя его ребенок – лучший. Я не первый год преподаю…

– Не сомневаюсь, – улыбается он уголком рта, чуть сощурившись. – Какие конкретно у вас предложения?

– С ним мог бы поработать школьный психолог.

– То есть вы узнали, что моя сестра находится в психушке, и сделали выводы, что племянник тоже имеет расстройства? – Чеховской издевательски изгибает бровь.

– Нет! Что вы?..

Я опять избегаю его прямого взгляда. Он мне в душу заглядывает. Аж мурашки по спине бегут. Не могу так разговаривать, надо воды выпить.

– Простите, может, воды?

– Ничего крепче в школе по-прежнему нельзя? – снова улыбается он.

Я игнорирую эту шутку, потянувшись к кулеру. Пока держу наполняющийся стаканчик, Чеховской бесцеремонно подается вперед, двумя пальцами подцепляет уголок моего платка и легким движением развязывает слабый узелок.

Я подскакиваю, выронив стаканчик и расплескав воду, а Чеховской откидывается на спинку стула, подносит мой платок к своему носу, вдыхает таящийся в нем запах моей кожи и духов и, похотливо облизнувшись, мурчит:

– Бабочка…

Глава 4. Роман

Бабочка сразу показалась мне знакомой. Тянуло что-то к ней, едва взглянул на нарытые Фазой фотки. Пока листал досье, на которое пацану всего-то три часа потребовалось, вдоль и поперек Бабочку изучил. Никак вспомнить не мог, где видел ее. Она часто у меня во снах маячила. Но из ума еще не выжил, чтобы вообразить, будто произошло чудо, и женщина моей мечты обрела плоть, выйдя из моих извращенских фантазий. Причем реальность оказалась гораздо впечатляющей.

Озарение пришло уже тут, в кабинете. Сначала ее глаза вживую, так сказать. Большие, ярко-зеленые. Сразу на ум драгоценные изумруды приходят. Осталось только стихоплетством заняться, глядя в них. Потом голос. Твердый, поставленный, чистый и будоражащий кровь. Следом обратил внимание на пальцы. Даже они запомнились именно такими – тонкими, изящными. Кажется, ими она может творить невообразимое. Кожа – чистый бархат. Так и терся бы о нее, мурлыча как довольный кот. Однако именно ее ощутимое волнение окончательно поставило точку в моих догадках. Теперь вижу – не ошибся. Татуировка-то ни хрена не временная оказалась. Так и украшает синими крыльями красивую шею Бабочки.

– Роман Алексеевич, вы что себе позволяете? – возмущается она, прямо как тогда, много лет назад.

А сколько лет-то прошло? Я на той вечеринке еще с Себом был, если не ошибаюсь. Мою пулю он сожрал одиннадцать лет назад, значит, прошло примерно двенадцать. Ровно столько мне потребовалось, чтобы добиться всего, во что Бабочка не поверила. Интересно, а сейчас тоже бы отказала мне, не будь у нее бойцовской собаки под названием муж? Или продалась бы? Вряд ли. Принципиальная слишком, гордая. И верная, зараза. Но меня же заводят трудности.

Скалюсь еще шире, отметив про себя, что Бабочка напрасно свой охренительный запах перекрывает дешевыми духами. Кандидат в мастера спорта, походу, конкретно на своей бабе экономит. Чмо позорное!

Ну ничего, крошка, когда моей станешь, отучу тебя от всего этого дешевого дерьма.

– А говорила, что тату временная, – хриплю, замораживая ее взглядом.

Бабочка совсем застывает у стены. Не шевелится, не дышит, не моргает. Смотрит на меня с паникой в глазах, будто я уже свои права на нее предъявляю. Я сначала приценюсь, упрямая моя. Вдруг ты испортилась совсем, и внутри тебя зародилась кукла. Скинешь потом маску, оставив меня в дураках. Да и муженька твоего просто прихлопнуть скучно. Я же хочу, чтобы ты до конца своих дней молилась на меня, а не ненавидела, горюя по утраченному счастью. Ненавидеть ты будешь его. Поверь, уж я-то смогу такое устроить. Даже симулировать не буду. Сам личину скинет.

– Только комедию не ломай. Ты меня прекрасно помнишь. – Я поддразнивающе киваю ей на кресло.

Отмирая медленнее, чем после зимней спячки, Бабочка садится, и я протягиваю ей платок.

– Надень, пока никто не заметил.

– Роман Алексеевич, – начинает она, беспокойно повязывая его обратно, – будьте тактичным. Ко мне даже близкие не обращаются на «ты» в пределах школьной территории.

– А муж?

Она вспыхивает, блеснув сочным летом своих глаз и вмиг украсив промозглую осень.

– Признайся, хоть раз жалела, что отказала мне тогда? – выжидающе смотрю на нее, и она густо краснеет. Сама себя выдает: думала обо мне. Слышала, новости видела, читала и ногти грызла.

Но в ее глазах начинает созревать ярость: жгучая и кипучая. Я догадываюсь, какие тараканы зашипели в ее головке: «Отказала в сексе ублюдку, который за

двенадцать лет запятнал свою репутацию кровавыми делишками?» Это ты еще не все обо мне знаешь, Бабочка. СМИ – это ведь вершина айсберга. Настоящий я куда страшнее.

– Роман Алексеевич, как я и сказала, меня беспокоит поведение Артура. – Она возвращает себе былую корректность. – Мальчику не хватает мужского внимания, контроля. Он позволяет себе много лишнего…

– Как я сейчас? – Я поднимаюсь со стула, отчего Бабочка вздрагивает и подается назад, спиной прилипнув к спинке кресла. – Да расслабься ты, – усмехаюсь, сняв пальто и отложив его на парту.

Слышу, как облегченно выдыхает Бабочка. Что ж ее трясет-то от меня так? Явно от страха. Но сам страх какой характер носит? Чем пахнет? За жизнь опасается? За репутацию? Или тупо волнуется, видя во мне совсем другого Чеха и представляя, как все вышло бы, не откажи она мне тогда?

Я же найти хотел ее. Себу все уши прожужжал, но хотелось удивить ее чем-то. Первым достижением, например. Вот и ступил на путь легких денег. А вскоре сестра овдовела, наследство своего итальянского муженька-мафиози получила, сделала меня своей правой рукой. Ну и начали мы по-крупному воротить: с Палермо, со Средней Азией, даже в Сомали совались. Всех криминальных шишек к себе подтянули, уважение завоевали, крутых партнеров наработали.

Это сейчас я в политику залезаю и помаленьку обеляю себя, а еще год назад все проблемы кардинальным методом решал. Главным было держать лицо беспощадного и непобедимого Чеха, а сегодня убедить всех, что Роман Алексеевич я – метящий на пост мэра предприниматель с идеей быть ближе к народу. Легализовал почти весь бизнес, с громкими преступными именами контакты ограничил, пацана в простую школу отдал, детсад строю, благотворительный фонд организовал. Даже племянница в обычном вузе нашего убогого городишки учится. А ведь перспективы у девчонки были: Москва, где мой папаша и братец; или Италия, где ее бабка с дедом по отцовской линии. Но мне рекламное продвижение нужно. Сказал ей, что год-другой тут поучится, потом пусть хоть в Оксфорд валит. Странно, но девчонка даже не сопротивлялась. Пожала плечами, взяла документы, поехала и поступила туда, куда сказал. Только факультет сама выбрала.

– Роман Алексеевич, – возвращает меня к нашей беседе Бабочка, – мне сложно строить с вами диалог.

– Почему? – Я вскидываю бровь, снова садясь на стул. – Смущаю?

– Вы меня не слышите.

– Если я не хочу, чтобы какой-то недоквалифицированный школьный психолог промывал мозги моему пацану, это еще не значит, что я вас не слышу. Пусть к вашему психологу девочки с депрессией из-за прыщей и критических дней бегают.

– Допустим, – кивает она, понемногу собирая запчасти себя во что-то целое. – Я же не настаиваю. Я предлагаю. Но я готова выслушать и ваши предложения. Мне было бы проще разобраться в причинах перепадов его настроения, если бы я знала о нем больше. Возможно, на Артура оказали неблагоприятное воздействие прошлогодние события. Не каждый ребенок способен без стресса пережить внезапное одиночество.

– Одиночество? – озадаченно переспрашиваю я. – Сколько же вам, учителям, скучной литературы приходится лопатить, выискивая корень зла. Пацан просто невоспитан. Его мать бухала, отец клеил телок в нашем клубе. Он рос под присмотром няни, которая сдувала с него пылинки.

Бабочка стушевывается. Не ожидала от меня прямолинейности.

– Если ты думаешь, он расстроен из-за мамаши в психушке и папаши в тюрьме, то заверю тебя: ему насрать.

– А разве это не проблема? – искренне удивляется она.

– Это проблема для меня. Массу вопросов вызывает, отражаясь на репутации и лишая ее безупречности. Для пацана же – шанс становиться тем, кем он сам хочет, а не предки решают. Ты сама-то почему до сих пор без детей? – меняю тему, опять напрягая Бабочку чересчур личным вопросом. – Муж не хочет?

– Роман Алексеевич, – выдавливает она строго, размазывая по мне это обращение расслабляющим бальзамом.

Я же глазами залезаю к ней под блузку, задираю юбку, усаживаю на край стола и… Блядь, аж зубы сводит от возбуждения. Уже не девочка, а все такая же охуенно соблазнительная. Кажется, еще круче стала. Опытнее, эффектнее. Драл бы и драл ее, пока стекла бы из окон этого кабинетика не повылетали.

– Проявите ко мне хоть каплю уважения. Перестаньте обращаться ко мне на «ты».

– Как скажешь, Бабочка, – смеюсь беззвучно. – Вернее, как прикажете. Дарья. Николаевна.

Она опять краснеет, закрывает глаза и обессиленно опускает лицо.

– Вот мое к вам предложение, – перехожу я ближе к делу, пока она от волнения тут не загнулась. – Знаю, что вас не купить. – Ловлю на себе ее оскорбленный взгляд и развеиваю ее пошлые мыслишки: – Вы же не можете давать репетиторство ученикам собственного класса. Но вам позволено посещать их на дому. Проверять условия их проживания, атмосферу в семье. Чтобы исключить поводы обращаться к инспектору ПДН или в Органы опеки. Не удивляйтесь, годы идут, а в муниципальных школах все по-старому. Я прошел через все эти круги ада.

– Я не думаю, что у Артура неприемлемые условия проживания и тяжелая атмосфера в семье.

– Как знать, – улыбаюсь я уголком рта.

– Роман Алексеевич, это будет выглядеть, как минимум, странно. Меня сочтут умалишенной, если я отправлюсь в ваш дом на проверку.

– Вы придете, – киваю я. – Обязательно придете. Сама директриса отправит ко мне.

– Почему вы постоянно говорите о себе? – она повышает тон, будто одергивая меня в привычной ей манере.

– Не расстраивайтесь, в свое время и о вас поговорим. Дарья. Николаевна.

Наш разговор прерывает завибрировавший на краю стола телефон с именем «Степа» на экране. Бабочка теряется: не хочет при мне ворковать с мужем. Поджимает губы, дожидается, пока телефон замолкает, и снова смотрит на меня.

– Роман Алексеевич, если мы с вами не начнем сотрудничать, я буду вынуждена писать жалобу на имя директора. Тогда за дальнейшую судьбу Артура ответственность будет лежать исключительно на вас. Я не могу посвящать себя только вашему ребенку. У меня целый класс, требующий внимания.

– И я.

– Что? – хрипит она, замерев.

– И я не могу посвящать себя только этому ребенку. А вы о чем подумали? Дарья. Николаевна.

Бабочка тяжело вздыхает, закатив глаза:

– Давайте мы разойдемся, оба переосмыслим нашу беседу и подумаем, как сойтись во мнении на благо мальчика? А в пятницу вы задержитесь после родительского собрания, и мы снова все обсудим?

– Вы приглашаете меня на родительское собрание? – Я кончиком языка провожу по верхней губе, опять выбивая почву из-под ног Бабочки. – Интригующе. Я еще никогда там не был.

– Вы издеваетесь? – почти вскрикивает она.

– Заметьте, не я искал с вами встречи. Вы меня позвали. И зовете снова.

– Но не в том контексте, в каком вы это видите!

– А в каком контексте я вижу вызов родителя в школу и на родительское собрание? Вы переутомились. Дарья. Николаевна. Остыньте. Вы воды хотели выпить. Так выпейте. Ступайте домой. Отдохните. Займитесь любовью с мужем. Выпустите пар…

– Замолчите, – шипит она, покосившись на дверь. – Вы перегибаете, Роман Алексеевич.

– Нет, перегнул бы я, завалив вас на этот стол. Дарья. Николаевна.

– Достаточно. Я вас поняла. Глупо ждать чего-то от Артура, когда он под вашей опекой. Извините за беспокойство. Теперь я последую вашему совету: все школьные вопросы буду решать с Верой Ивановной.

– Боюсь, она в бессрочном отпуске.

– Давно? – голос Бабочки срывается.

– С этого момента.

– Тогда с Лучианой.

– Не выйдет. У нее сессия. Еще она в какую-то научную работу погрузилась. Не может, в общем, отвлекаться. Зато я весь ваш, – улыбаюсь, видя, как затухает в ее глазах надежда отвязаться от меня. – И, похоже, мы с вами будем часто видеться. Перевоспитание ребенка – длительный процесс, требующий вовлечения и педагога, и родителя. Вы же не откажете мне? Артуру ведь не только отцовское плечо нужно. Иногда и материнской ласки не хватает.

Бабочка тянется к кулеру, в этот раз не отворачиваясь от меня. Набирает себе немного воды и звучно пьет. Ее телефон снова вибрирует Степой.

– Ответьте, – я киваю в повелительной интонации. – Вдруг что-то важное.

Она берет телефон, но вместо ответа сбрасывает вызов. Так стремается говорить при мне с мужем, словно в чем-то провинилась перед ним, а я яблоко

раздора в их чудной семье. А ведь я еще даже не начал действовать. Приглядываюсь только. Почву прощупываю. И пока мне все нравится.

– Не буду вас больше задерживать. – Я поднимаюсь и беру пальто. – Могу подвезти вас до дома. Меня внизу ждет машина с водителем. На улице похолодало. Не хочу, чтобы вы простудились. Я так долго ждал вас.

– Что-о-о?

– Говорю, долго ждал постоянного учителя, которому будет небезразличная судьба Артура. Снова вы не о том думаете. Дарья. Николаевна.

Она допивает остатки воды, ставит стакан, глубоко вздыхает и, ладонями опершись о стол, встает.

– Я не знаю, какую игру вы затеяли, Роман Алексеевич. Предупреждаю сразу, неуважения к себе я не потерплю, кем бы вы ни были. Будьте дисциплинированы и заостряйте внимание на племяннике.

– Поверьте, я к нему очень внимателен. Увиделся с вами и понял, что отныне во всем ему доверять буду. Каждое его слово о вас подтвердилось втройне.

Моя улыбка все больше раздражает ее. Сочувствую бедняжке. В таком тухлом окружении живет и работает, что даже эмоции выплеснуть не на кого. Но ничего. Со мной она станет самой плохой училкой. Со мной и для меня.

Беру ее за руку, подношу ледяные пальцы к губам и слегка целую, глядя в ее округлившиеся глаза. Она отдергивает руку, дисциплинированно посылая меня на хер:

– До свидания, Роман Алексеевич. Надеюсь, наша сегодняшняя встреча пойдет только на пользу Артуру.

– И вам.

– Что? – который раз повторяет она.

– И вам, говорю, до свидания. Дарья. Николаевна. Приятного вечера.

Я ухожу под рассеянный и заморенный взгляд ощетинившейся Бабочки. Зато по уши счастливый. Первый шаг сделан. Бабочка по-прежнему неподкупна. Плевать ей на мое положение в обществе, на мой кошелек и мой шарм. Пропитанная работой и унылостью своего тупого мужа-качка, которая жизни-то толком не видела. Раззадорила меня. Зацепила. Охотника во мне разбудила. Столько воспоминаний накатило. Кратковременную влюбленность всколыхнуло. Даже моложе себя теперь чувствую. Опять в бой хочется. Только действовать теперь буду осознанно, выверено, азарт наслаждением подпитывать.

Можно, конечно, сделать, как Фаза посоветовал. Переломить качку позвоночник. Он инвалидности не вынесет, сам Бабочку прогонит. А я подберу. Но в этом случае она со мной от безысходности будет. Мне же надо, чтобы эта Бабочка сама на мой огонь полетела, не боясь крылья спалить. Сама в мои объятия бросилась. Чтобы я ее миром стал, богом.

Сажусь в машину, где Фаза с кем-то чатится, но при моем появлении технично сует телефон в карман. Неужели я что-то упустил, и у него все-таки кто-то есть? Когда только успевает? Если ночует в нашем доме восемь раз в неделю?

Молча усмехаюсь, решив не комментировать и не лезть в личную жизнь своего единственного всем довольного подчиненного, и оборачиваюсь на заднее сиденье, где в темноте салона мой племянник рубает пончики.

– Завтра разобьешь окно в школе, – даю ему руководство к действию.

– Какое? – абсолютно равнодушно уточняет он.

– Любое. Только не у директрисы в конуре.

– Окей, – жмет он плечом и откусывает пончик.

Я пристегиваюсь ремнем безопасности, поймав на себе пристальный взгляд Фазы. Хрен знает, о чем он думает. Этого типа хер проссышь. Чурбан голимый. Но башковитый, падла. От огромных ошибок меня уберег. Не видать бы мне было политики без него. Он когда-то на другого криминального авторитета работал.

Тот совсем глупо из игры вышел: врагов нажил, подставил многих. Не послушал Фазу, когда тот дельные советы давал, правильную дорожку ему указывал. В итоге хвост поджал и за бугор свалил, а Фаза тут отдувался. В драного кота превратился, когда я подобрал его. Но не сломался. Даже сильнее стал, непрошибаемее и сообразительнее. Такие всегда в единичном экземпляре.

– Вижу, разговор с учителем дал плоды, – замечает он, заводя тачку. – Совсем ребенку руки развязать решили, босс.

– Я пацана под себя воспитываю. Пусть с детства знает, как дорогу в лучший мир себе прогрызать.

– Вы бы поосторожничали. Учителя – сплетники. Дойдет до журналюг, что приемный сын Романа Чеховского в школе беспредельничает, и появится ненужное пятно в вашем реноме.

– Вот и пусть появится. Потом очистится и плюсиком в карму пойдет. Роман Чеховской не только новые компы в школу купил, но и из трудного племянника, оставшегося на его попечении, сделал отличника, спортсмена, победителя городских олимпиад. Еще какую-нибудь кампанию запустим для первоклашек. Сообразишь же?

Фаза пожимает плечом:

– Легко. А с Городецким что решили? Яму готовить?

– Кто же тогда из моего пиздюка спортсмена сделает? Не-е-ет, Фаза, не спеши. У меня пацан боксом увлекся, тренера хорошего ищем.

Он всего на секунду отвлекается от дороги, бросив взгляд за плечо.

– Когда это он боксом увлекся?

Я вдохновенно скалюсь:

– Только что.

Обложу я тебя со всех сторон, Бабочка. Ни пошевелиться, ни пискнуть, ни вздохнуть свободно не дам, пока меня в своем отражении видеть не начнешь. Да, пострадаешь некоторое время. Душу я тебе знатно потреплю. Но потом-то, потом самой счастливой станешь, сама себе завидовать будешь!

Глава 5. Дарья

Завидую. Как же я завидую Вере Ивановне. Отпуск, который можно провести вдали от Чеховского, это благословение. Мне же предстоит тернистый путь общения с этим много о себе думающим типом.

Я не могу отрицать, что он стал солидным. Будь он со всеми так вульгарен, как со мной, не пробился бы туда, где сейчас его боготворят. У этого человека десяток масок. А может, сотня. И он меняет их в зависимости от ситуации и оппонента. По отношению ко мне он – все тот же мажор, только теперь сорящий не отцовскими деньгами, а своими. Как поддерживать с ним дальнейшую связь, я просто не представляю. Я едва собираю мысли в кучу, как он втыкает в меня очередную шпильку и наслаждается этим. Хладнокровный и безжалостный. Он не созидает, а рушит. Сметает перед собой любые препятствия, как пожар. Даже татуировку себе соответствующую набил. Губительный огонь. Превращающее все в пепел пламя.

Я прикладываю ледяные пальцы к горячим щекам и выдыхаю. В кабинете все еще пахнет его парфюмом, а в ушах – его хрипловатый голос.

Я не должна была выдавать свое волнение. Да и волноваться не должна была! Повела себя, как робкая маленькая девочка. Даже ума не приложу – почему! Чеховской никогда не вызывал у меня симпатии. Напротив, я испытывала к нему неприязнь. Думала ли я о «нас»? Конечно, думала, и не раз. Он же постоянно перед глазами мелькал – то в газетах, то в телевизоре, то в интернете. Невозможно, всякий раз видя его, не вспоминать тот вечер и не размышлять на разные темы. Но вот о чем я чаще думала: как же все-таки хорошо, что я тогда не пила и не переспала с ним. Все равно попользовался бы и бросил, на утро бы имени не вспомнил. А так мне удалось познать только одного мужчину – Степу. Он был моим первым и стал единственным. В этом году исполнилось десять лет, как мы вместе, а совсем скоро исполнится шесть лет, как официально женаты.

Это и есть любовь: столько лет рука об руку и в радости, и в печали.

Подумав о Степе, чувствую, как сердце унимается, бьется спокойнее. Беру телефон и набираю его. Не надо было сбрасывать звонок. Вдруг что-то срочное.

– Степ, ты звонил мне. Прости, я была занята. Разговаривала с… с… мамой одного ученика.

Я зажмуриваюсь и выдыхаю. Ну почему я вру? Почему вообще за столько лет ни разу не обмолвилась мужу о Чеховском?

– Хотел спросить, взяла ли ты пальто или зонт? Уже увидел, что не взяла, так что… – Дверь отворяется, и в кабинет входит Степа. – …сам принес.

Я теряю дар речи, отнимая телефон от уха. Я же никогда ему не лгала. Сделала это впервые и чуть не попалась. Ответь я ему на звонок и зайди он пятью минутами раньше, увидел бы, с какой мамой я тут разговариваю. И что бы подумал? Я Степу знаю. Нельзя сеять в нем сомнения. Лжецов он презирает. Узнает о моем маленьком секрете и решит, что у меня гораздо больше от него тайн. Начнет думать, сколько же еще раз я его обманывала.

– Степа? – изумляюсь я.

Его забота должна тронуть меня, он не так уж часто бывает милым, а вместо этого я смотрю на него с толикой возмущения.

Он мрачнеет, входя в кабинет. Улавливает мужской парфюм, но ни слова не говорит. Подходит к столу, протягивает мне плащ и спрашивает:

– Закончила?

– Да, – киваю, сглатывая. – Спасибо, дорогой. Ты у меня самый лучший.

Я улыбаюсь ему, но настолько неестественно, что он не без основания интересуется:

– Ты себя плохо чувствуешь? Щеки красные, дыхалка сбита.

– Боюсь, как бы не простудилась. Душно было, окно открывала… – бормоча все это, ненавижу себя за очередную порцию лжи, но не могу остановиться.

Казалось бы, ну расскажи ты ему о Чеховском. О том, как он клеил тебя двенадцать лет назад, а сегодня повторил попытку, хоть и завуалировано. Но никому от этого лучше не станет. Степа такое не оставит, вмешается, за жену вступится и не посмотрит, кто перед ним. А Чеховской, тот самый, что сейчас Роман Алексеевич, в других кругах по-прежнему – Чех. Только дурак поверит, что вчерашний главарь бандитской группировки полностью отошел от криминала.

Чех совершенно ненормальный. Больной на голову. До сих пор помню новости годовалой давности о свадьбе его брата. Чтобы выделиться, он такой подарок молодым преподнес, что у любого адекватного человека волосы зашевелятся. Устроил похищение невесты через инсценировку перестрелки. Поначалу СМИ даже восприняли все всерьез. Были новости о раненых. Но меньше чем через сутки все устаканилось. Сам Чех заявил, что хотел сделать свадьбу брата незабываемой. И судя по тому, что брат не сломал ему челюсть, Чеху все сошло с рук.

– Погода сейчас переменчивая. Не рискуй, – отвечает Степа, а я уже забыла, о чем мы говорили. – Собирайся. Домой пойдем. Я ужин приготовил. Кино посмотрим.

Последний год Степа редко бывает в бодром расположении духа, поэтому я ловлю каждый такой момент. Да и от Чеховского отвлечься надо. Вдолбить себе, что и на него управа найдется. Главное – с плеча не рубить. Обдумать, приглядеться и решить, как избавиться от него, не навредив Степе и нашему браку.

– Да, конечно, – улыбаюсь я уже оживленнее. – Идем.

Домой мы возвращаемся не спеша. Дождь уже прекратился, да и ветер утих. Мы держимся за руки и воркуем, как подростки. Вернее, я воркую. Степа только кивает, иногда улыбается и поддакивает.

Люблю гулять с ним и замечать завистливые женские взгляды. Мужчина он у меня мощный, видный. Красавцем не назовешь, зато звериная натура с ума сводит. Я наконец выкидываю из головы встречу с Чеховским и в приподнятом настроении попиваю вино за ужином и смотрю с мужем какого-то «Левшу». Фильм кровавый, жесткий, но трогательный. В финале даже слез не сдерживаю.

– Степ, а ты смог бы жить без меня? – спрашиваю, расклеившись. – У героя хоть дочка осталась. А у тебя и котенка не будет, если меня не станет.

– Что за чушь ты несешь? – ворчит он. – Почему тебя вдруг не станет? Ее-то убили. А я разве такое позволю? Я связей в мутных кругах не завожу и на провокации не ведусь.

– Ты такой хороший, – растекаюсь я пьяной лужицей. – Мне так повезло с тобой.

Не говоря ни слова, он начинает целовать и раздевать меня. Механически, отточено, без намека на нежность. Заваливает меня на кровать, коленом разводит ноги и выполняет супружеский долг. Именно долг, никак иначе я наш нынешний секс назвать не могу.

Степу не уговоришь экспериментировать. Секс для него – разгрузка, которой он лишает себя неделями из-за соревнований и турниров. К сожалению, даже не думая, что лишает и меня. Раньше я относилась к этому лояльнее. Была неопытная, неискушенная. Позже рассматривала воздержание, как возможность подкопить страсти. А потом признала, что все равно остаюсь неудовлетворенной. Нет, размером своего достоинства Степа не обделен, и скорострелом его не назовешь. Проблемой стало однообразие. Причем, проблемой только для меня. Его все устраивало, а мои попытки как-то разнообразить секс категорически пресекались, порой ссорами. В конечном счете, я смирилась и старалась ловить кайф от того, что имею.

Но сегодня даже выпитое вино не гарантирует удовольствия. И я почти осознанно совершаю смертный грех – закрыв глаза, представляю себя под другим мужчиной. Степа лишь тяжело дышит, делая техничные движения, а мне кажется, я слышу хрипловатый голос того мужчины. Это его руки сжимают меня в своих объятиях, его горячее дыхание опаляет щеку, его щетина приятно колет. Сразу тепло разливается по телу, разгоняет вялотекущую до этого кровь в жилах, а внизу живота начинает печь. Я двигаюсь навстречу Степе, прикусывая

губу и представляя свои фантазии все четче и ярче. И мне все-таки удается довести себя до оргазма. Содрогаюсь за несколько секунд до Степы и абсолютно счастливая размазываюсь по кровати.

Степа сползает с меня, переводит дыхание и, перевернувшись на бок, гасит лампу на тумбочке. А до меня только сейчас доходит, что это не он доставил мне удовольствие, а тот, другой. Мужчина, которого я себе представляла. Проклятый Роман Чеховской.

Глава 6. Роман

– Проклятый Роман Чеховской, – докладывает Фаза с раннего утра.

– Что, прям так и сказала? Проклятый? – Я вхожу в обеденный зал, где за накрытым столом уже завтракают Лучиана и Артур. Не знаю, кто из них кислее. Племянница едва ли не зеленая. Пацан носом в тарелку клюет. – Ты ей что ответил? – спрашиваю у Фазы и сажусь за стол.

Кухарка подает мне завтрак.

– Я счел правильным не реагировать, – отвечает он, оставшись у дверей. – Свидетелей было много.

Бабка Себа меня вовек не простит. Винит в том, что единственного внука в коварные бандитские сети затянул, где он богу душу и отдал. Или скорее – черту. Не суть. Старуха одиннадцать лет меня преследует, требует выдать имя того, кто остановил сердце Себа. И невдомек ей, что тот самый монстр перед ней. Когда-то еще сопляком его пышные пироги с молоком уплетал после школы, а годы спустя пустил пулю в башку ее внука. Так и началась моя кровавая карьера. Не с убийства врага или жалкого таракана, а с убийства лучшего друга.

– Пора ее убрать, – говорю я.

– Ей восемьдесят восемь, босс, – осекает меня Фаза. – Она сама скоро преставится. А нам ее публичные выступления могут на руку сыграть. Упечем ее в ту же психушку, где ваша сестра. Доктор интервью даст, что старуха не в себе. Заодно упомянет вас, как спонсора ее лечения. А потом и ваше обращение снимем, в сеть запустим. Мол, вот Роман Алексеевич Чеховской мимо несчастной не прошел, руку помощи протянул. Народ – стадо. Сожрет.

– Делай, – отдаю я распоряжение.

Лучиана закатывает глаза, тяжело вздохнув:

– Вы можете хотя бы не при нас такое обсуждать?

– Обсуждать что?

– Цену жизни.

– Ты лучше слушай и всасывай, – наказываю я. – Радуйся, что являешься членом нашей семьи. Не приходится ни в фастфуде круглыми сутками вкалывать, ни в эскорте блядью служить. Ты паршивой жизни не нюхала. Не вороти нос и будь прилежной девочкой.

– Мама не воротила нос. И где она теперь?

– Хочешь там же закончить? Или с перерезанным горлом в вонючей канаве? Ты не понимаешь, какими возможностями обладаешь. Воспринимаешь все, как должное. А этот пацан, – я киваю на Фазу, – из такого дерьма вылез…

– И в такое же дерьмо превратился, – фыркает Лучиана, покосившись на Фазу и снова посмотрев на меня. – Вы же нелюди. Оба. Один ужаснее другого.

– Да, радугой не какаем. Может, поэтому у тебя серьги с бриллиантами в ушах и лобстер на завтрак. Следи за языком.

– Ох, простите, господин Чеховской. Виновата. Исправлюсь.

Ехидничает, конечно, но пусть лучше так, чем продолжает свою линию гнуть. Слишком многое позволять себе стала.

Я киваю Фазе, чтобы ждал в машине, и дальнейший завтрак проходит в гипнотической тишине. Артур едва ли не засыпает, а Лучиана с отвращением продолжает ковыряться в своей тарелке. Похоже, у девчонки месячные: оттого ни настроения, ни аппетита.

– Все, собирайтесь, – велю я, вставая из-за стола. – И пошевеливайтесь, у меня дел невпроворот.

Что мне нравится в своих племянниках – так это их покорность мне. Они могут ворчать, психовать, обвинять меня во всех смертных грехах, но никогда не ослушаются.

Ждать их не приходится. Когда я выхожу из дома, они уже сидят на заднем сиденье машины. Я закидываю к ним свой кейс и велю Фазе трогать.

– Арти, ты не забыл о нашем вчерашнем разговоре? – спрашиваю у пацана по дороге.

– Все сделаю на высшем уровне, босс, – утвердительно отвечает он.

– Что это еще за «босс»? – возмущается Лучиана.

– Ему нравится. Пусть называет, – отвечаю я.

– Я не только об Арти. Все твои люди по-прежнему обращаются к тебе «Чех». Сами друг друга кличками называют, как в псарне. Я думала, мы отошли от этого, и наша семья теперь законопослушная.

– Ты не с той ноги встала, что ли? Не порти мне настроение. – Я грозно смотрю в зеркало заднего вида, и племянница замолкает. Отворачивается в окно, поджав губы.

До школы мы доезжаем молча. А там я пересаживаюсь на место Артура и все-таки начинаю этот разговор. Лучиана уже не первый день нервная. Пусть у меня

почти не остается времени на семью, но они напрасно думают, что я слепой.

– Что случилось? – спрашиваю как можно мягче. – Тебе не нравится универ? Поток? К тебе кто-то пристает?

– Все пристают, – резко отвечает она, посмотрев мне в глаза. – Да! Все! А ты думал, будет иначе? – И тут ее прорывает на ядовитую честность: – Знаешь, за восемнадцать лет своей жизни я поняла, что каждый предыдущий ее период был лучше и счастливее. В детстве я ненавидела свою жизнь. Меня раздражало, что мы переезжаем с места на место: Рим, Милан, Сицилия. Я только привыкала, а папа перевозил нас. Снова и снова. Когда мне исполнилось семь, его убили. Мама со спокойной душой оставила меня у бабушки с дедушкой и рванула на родину, в Россию, личную жизнь с новым мужем устраивать. И следующие семь лет я ненавидела свою жизнь, считая себя сиротой. Бабушка и дедушка никогда меня не обижали, но и не могли заменить родителей. Я запрыгала от счастья, когда мама забрала меня. Но вскоре узнала, что сделала она это из-за Артура. Подросшему сыну было скучно в одиночестве, вот она и вспомнила, что где-то в Италии болтается дочь. Три следующих года я чувствовала себя вещью. Мама будто играла мной, пользовалась. И вот ее не стало. Я думала, теперь все наладится, потому что ты, вопреки закрепившейся за тобой репутации, всегда любил нас с Арти по-настоящему. Мне кажется, никто никогда не относился к нам так, как ты. Я много раз в своих молитвах благодарила бога за тебя. Я в тебе нашла отца, которого рано потеряла. Но сейчас… То, что ты делаешь… – В ее карих глазах появляются слезы. – У меня совсем нет друзей, Ром. Я просто боюсь их заводить. Боюсь потом потерять и разочароваться.

Больно слышать все это. Мне действительно всегда было жаль их с Артуром, но я никогда не задавался прямым вопросом, устраивает ли их то, что я даю. Мне казалось, этого вполне достаточно для счастья.

– Я думал, мы договорились. Год-два. Как только стану мэром – езжай, куда захочешь. Если же тебе не хватает тех тусовок, которыми живет молодежь, только скажи. Мой клуб всегда открыт. Собери друзей, я устрою вам вечеринку.

Лучиана горько усмехается.

– Твой клуб. Ну а как же. Тотальный контроль.

– Да, тотальный контроль, – не отрицаю я. – Вот исполнится тебе двадцать один, гуляй. А сейчас ты ребенок. Мой ребенок. Я несу за тебя ответственность.

– Это не ответственность, Ром. Это господство. Ты не даешь мне шагу ступить без разрешения. Думаешь, я не знаю, что ты отслеживаешь мой телефон?

– Отслеживаю. Что в этом плохого? Ты молодая, красивая. Уж кому, как не мне, знать, с какими пошлыми мыслями парни тебя взглядом облизывают. Хочешь быть по кругу пущенной?

– А если вдруг появится тот, кому я по-настоящему понравлюсь?

Я напрягаюсь. Сердце начинает пропускать удары.

– Кто? – цежу сквозь зубы. – Ноги переломаю, яйца вырву и сожрать заставлю.

– О-о-о… Это, наверное, по-политически, – протягивает Лучиана и опять отворачивается. – Успокойся. Я в принципе это сказала.

– Учти, Лучик! – Я хватаю ее за руку и крепко сжимаю пальцы, вынуждая девчонку обернуться. – Если тебе понравился какой-то прыщавый ботан или напыщенный качок, это не значит, что и ты ему нравишься. Не подводи меня, пожалуйста.

– Вот об этом я и говорю. Тебе плевать, что хорошо для меня. Ты думаешь лишь о том, что хорошо для тебя. Артуру ты позволяешь все, хотя ему всего семь…

– Вот именно! – рявкаю я, закипая. – Ему уже семь, а тебе всего восемнадцать. Улавливаешь разницу, что он пацан, а ты девчонка? У него нет смазливой мордашки, сладкой попки и сисек! Или ты хочешь превратиться в шлюху, подобную моей Кристине? Чтобы тебя тупо еб во все щели за цацки какой-то гондон? Я тебя предупреждал, Лучик, никаких парней. Иначе тебя на цепь посажу, а того пидараса на щепки разнесу.

Фаза тормозит на парковке универа, и я разжимаю пальцы.

– Хорошего дня, Лучик, – желаю с полуулыбкой.

Ничего мне не ответив, она берет сумку, выходит и хлопает дверью. Мы стоим до тех пор, пока она не входит в здание, и только тогда я велю трогать.

– Ты замечал за ней что-нибудь необычное? – спрашиваю у Фазы.

– Смотря о чем вы, босс.

– Год назад у девчонки была депрессия. Она баловалась кое-какими запрещенными препаратами. Сейчас опять бзик. Ты приглядывай за ней.

– Всегда приглядываю, – спокойно отвечает Фаза.

– Более бдительно приглядывай. Обо всем подозрительном сразу мне докладывай.

– Добро на «жучок» даете? В сумку подкину, послушаю, чем в универе дышит?

– Делай, – киваю я, доверяя его нюху.

Не успеваю отвлечься от племянницы, как звонит мобильник. Достаю его из кармана, не глядя на номер, и подношу к уху.

– Да! – отвечаю слишком резко.

– Роман Алексеевич, – доносится до меня самый прекрасный голосок в мире, и в груди сразу становится тепло. – Это Дарья Николаевна.

– Доброе утро. Дарья. Николаевна, – отвечаю уже нежнее и не тая улыбки.

– Не знаю, для кого оно доброе, но у меня для вас неприятная новость. Артур только что разбил окно в школьном туалете.

– Что?! – повышаю я голос, но дурацкую улыбку с лица стереть не могу. – Вот гаденыш. Ну я ему устрою.

Повисает пауза, и я представляю, как Бабочка морщит нос, не веря ни единому моему слову.

– Я вынуждена писать жалобу на имя директора. И вам придется подъехать в школу.

– Обязательно. Сегодня же подъеду. Как только решу менее важные дела.

В очередной паузе я буквально слышу ее мысли: «Вот козел!»

– Уж постарайтесь, – отвечает она и отключается.

– В школу? – спрашивает Фаза, глазами стрельнув в зеркало заднего вида.

– Нет-нет. Ни в коем случае. Должна же она понервничать в ожидании меня, повздрагивать от каждого постороннего стука. Заедем в школу ближе к вечеру. К тому времени Бабочку из равновесия проще вывести будет.

– А сейчас куда?

– Давай-ка к Городецкому заглянем.

Фаза живо отыскивает в приложении адрес клуба, где машет кулаками муженек моей Бабочки, и привозит меня туда самым кратчайшим путем.

– Выглядит тоскливо, – оцениваю я вид серого крыльца с выцветшим баннером.

– Я когда-то вообще в подвале занимался, – пожимает плечами Фаза. – Главное – мастерство тренера.

– Нет, главное – не оставить ни единого выхода Бабочке. Вылезай. Познакомимся с господином Городецким.

Внутри клуб тоже не особо радует: пошарпанные стены, затертый пол, потрепанный инвентарь. Воняет, само собой, потом и грязными носками. Артур явно будет не в восторге.

Городецкого невозможно не заметить. Он здесь самый здоровый. Заполняет собой едва ли не треть октагона, что в самом центре зала. Машет руками между двумя борющимися подростками, ловко переступая с ноги на ногу.

Фаза присвистывает, слабо демонстрируя свой интерес. Надо же, хоть что-то в этой жизни вызывает у него эмоции! Вот и отлично – значит, он будет малого на бокс возить. Заодно сам кулаки почешет, а то от безделья чахнет. Скучно ему законной хренью заниматься.

– Ты только глянь, – вздыхаю я, осматриваясь, – годы упорных тренировок, победы в единоборствах, выполнение установленного федерацией сраного диапазона нормативов. И ради чего?

– Моральное удовлетворение. Повод гордиться собой.

– Ага, и подтереться званием кандидата в мастера спорта.

Разумеется, мы не остаемся незамеченными. Сначала мальчишки отвлекаются от тренировок, потом и сам Городецкий. Вряд ли выражение его лица отражает приветливость. Будь у него шерсть – дыбом бы встала при моем появлении. И это он еще не знает истиной причины моего визита.

Сказав что-то пацанам, Городецкий перепрыгивает через канаты и неспешно приближается к нам. Его колючий хозяйский взгляд сразу дает понять, что ему плевать на мое положение. Это его клуб, и в нем все равны.

– Чем обязан? – спрашивает без приветствия, задрав подбородок, и я буквально слышу его немой вопрос: «Зачем братва пожаловала?»

Эта скотина выше и шире меня, но хрен я наложу в штаны. Он годами тренировался биться за награды, а я за жизнь. Так что кто из нас победитель – большой вопрос.

– Роман, – протягиваю ему ладонь. – Чеховской.

Представляться нет смысла: меня в городе каждая бродячая собака знает. Но не с ходу же Городецкому в челюсть въезжать. Рано еще.

– Степан, – отвечает он, все-таки пожав мне руку. – Хм… Сильная рука. Тренируетесь?

Это я еще вполсилы сдавил, дебил ты одноклеточный, про себя усмехаюсь я.

– Увлекался когда-то давно. Вот подумал, пора бы пацана своего в спорт отдать.

– Странно, что из всех клубов наш выбрали.

– Я еще не выбрал. – Обвожу стены взглядом, с улыбкой киваю выстроившимся в стороне парням. – Присматриваюсь, с тренерами общаюсь.

– Не проще ли вам персонального тренера своему бойцу нанять? – Степан бросает оценивающий взгляд на Фазу. – Финансы позволяют.

– Я же мужика воспитываю, а не неженку. Хватит того, что он и так избалован деньгами и вниманием. Пусть другую сторону жизни познает. Да и вам выгодно. Клубу спонсирование лишним не будет. – Я киваю на старый компьютер на столе в углу зала. – Министр спорта, смотрю, не очень щедр.

Городецкий скрещивает свои ручища на груди и качается с пятки на носок.

– Купить меня хотите?

– Обижаете, Степан. Я никого не покупаю, – скалюсь я, мысленно добавив: «Сами продаются». – Это Александр, – киваю на Фазу, и они с Городецким пожимают друг другу руки. – Привезет моего оболтуса. Посмотрите, что может, на что способен. А там решим. – Протягиваю громиле визитку. – Уверен, он вам понравится.

Городецкий не спешит соглашаться. Но тупой индюк даже не догадывается, что я опрометчивых шагов не делаю. Прекрасно знаю, как он на ринг вернуться хочет. После травмы дела совсем плохи. Торчит в этом вонючем клубе без малейшей надежды на просвет. А спонсирование, новые ученики, новые победы обеспечат привлечение внимания к его персоне. Он же, сука, не на Бабочке женат, а на своем боксе.

– Привозите. – Он берет визитку. – Ничего не гарантирую. Но если боец способный, возьмусь за него.

Глава 7. Дарья

Нет никакой гарантии, что Чеховской услышит меня и возьмется за воспитание племянника. Надежда только на Елену Михайловну. Не станет же он при ней флиртовать со мной. Да и любые обещания, какие даст, придется выполнить.

Директор вызывает меня ближе к пяти. Когда я вхожу в ее кабинет, Чеховской уже потягивает кофе, развалившись в кресле. А Елена Михайловна с ним о чем-то мило воркует. Подтянутая, ярко накрашенная, надушенная так, что хочется проветрить. Подготовилась к встрече с олигархом, будто это мы перед ним в чем-то провинились.

– Дарья Николаевна, входите-входите, – приветливо встречает она меня и переключается на Чеховского: – Так что, как видите, учителя у нас высококвалифицированные. Детки первые места и на городских олимпиадах занимают, и на областных. Если обращали внимание на доску почета внизу, там фотографии тех, кто больших высот добился. Сейчас думаем обновить информацию. Вы ведь, Роман Алексеевич, тоже эту школу оканчивали? Нехорошо, что вашей фотографии там нет.

– Добрый вечер. Дарья. Николаевна. – Отставив чашку и проигнорировав заискивания Елены Михайловны, Чеховской встает с кресла, берет мою руку и снова подносит к своим губам. – Прошу прощения, что заставил ждать. Вам опять пришлось задержаться на работе. Надеюсь, муж вас не ревнует? К работе, само собой?

Он поправляется слишком поздно, я уже заметила азартный блеск в его ледяных глазах. Кое-как возвращаю себе собственную руку и молча киваю. Он издевается. Откровенно издевается. А мне приходится покорно с этим мириться.

– Дарья Николаевна, ну садитесь вы, не стойте, – улыбается мне Елена Михайловна.

Я отодвигаю кресло подальше от Чеховского и сажусь. Только после этого он вновь занимает свое и берется за чашку.

– Роман Алексеевич очень сожалеет о проступке Артура. Он согласился возместить ущерб, а заодно любезно предложил за свой счет заменить все старые окна в школе на пластиковые. Это очень щедро с его стороны.

– И очень благородно, – я с трудом выдавливаю улыбку. – Но окна окнами, а мальчик нуждается во внимании.

– Я только что объяснял Елене Михайловне, – Чеховской стреляет взглядом в директора, и та заметно краснеет от смущения, – что тоже обеспокоен этим вопросом. Но у меня так много работы, что на Артура остаются крупицы времени. И мы с Еленой Михайловной нашли выход из положения.

– Да, – подтверждает она. – Я пересмотрела ваше расписание и немного его подкорректировала. По закону вы не можете быть репетитором своего ученика. Но мы можем пойти навстречу Роману Алексеевичу. Артур – мальчик необычный, он не со всеми ладит. А вы, Дарья Николаевна, ему очень понравились. Он видит в вас друга. Поэтому с завтрашнего дня ваш рабочий день в школе будет до трех часов дня. После – вы будете индивидуально работать с Артуром. Роман Алексеевич любезно предложил дополнительную оплату, причем в обход кассы. Так что вам очень выгодно. Что скажете, будете успевать с рабочими программами и проверкой тетрадей?

– Как много любезных предложений от Романа Алексеевича, – нервно хмыкаю я. Очевидно же, что Елену Михайловну взял чем-то: презентом, конвертом, комиссией за мое новое расписание. Но с меня же не убудет, если пару часов в день я буду ближе общаться с Артуром. Тем более в рабочее время, у Степы не будет повода злиться. – Да, я буду успевать.

– Вот и договорились, – еще шире улыбается Елена Михайловна. – Значит, завтра в три за вами заедет водитель Романа Алексеевича. Это же удобнее, чем на такси, согласны?

– Что? – напрягаюсь я, медленно поднимаясь с кресла. – Какой водитель? Какое такси?

– Ах, вылетело из головы, – отмахивается директор. – Забыла уточнить, что с Артуром вы будете заниматься у него дома. Но это же совсем не проблема, правда? Мальчику там комфортнее. Домашняя атмосфера благотворнее влияет на ребенка, чем стены школы.

Не хочу об этом думать, но невольно вспоминаю, как вчера Чеховской пообещал, что сама директриса отправит меня к нему домой.

Вот же сволочь! Он все подстроил! Использовал ребенка, чтобы своего добиться. Ничего не изменится от индивидуальных занятий с Артуром. Не для них я Чеховскому нужна! Я вообще не понимаю, зачем я ему?! Поставить запоздалую «галочку» в списке жертв?

– Нет, – отвечаю я.

– Я знала, что мы договоримся, – всплескивает руками Елена Михайловна, видимо, решив, что это мой ответ на вопрос: «Но это же совсем не проблема, правда?»

– Вы очень выручили меня, – льет ей в уши Чеховской, тоже встав. – Рад, что мы пришли к соглашению. Замерщик окон приедет завтра. На выходных все установят. – Он пожимает ей руку, и Елена Михайловна слегка меняется в лице. Похоже, она рассчитывала, что и ее наманикюренных пальцев он коснется губами. – Дарья Николаевна, мы можем с вами обмолвиться парой фраз наедине? – Он поворачивается ко мне, сковывая меня невидимыми кандалами и пристегивая к себе.

У меня не находится ни сил, ни желания даже кивнуть. Я молча выхожу из кабинета в полумрак коридора, вижу уборщицу на другом конце и начинаю ей завидовать. Она не представляет, какая она счастливица.

– Роман Алексеевич, чего вы добиваетесь? – спрашиваю я, резко обернувшись и едва не столкнувшись с ним. Пячусь и спиной упираюсь в стену. – Вы хотите, чтобы я уволилась? Без проблем. Сейчас же напишу заявление. Все равно за три дня не успела ни к детям, ни к школе прикипеть.

Он увлеченно оглядывает меня, слегка наклонив голову на бок, наступает, сокращая расстояние между нами настолько, что я чувствую жар его тела, даже

через плотную ткань нашей одежды. Рефлекторно бросаю взгляд в сторону. Уборщица нас не видит. Слишком темно в этой части крыла.

Чеховской облизывается, одной ладонью упирается в стену на уровне моей головы и склоняется к уху:

– Как ночь прошла? Думала обо мне, Бабочка?

Я пытаюсь оттолкнуть его, но руки замирают на его твердой груди. Я даже сквозь пиджак и рубашку чувствую бугры его мышц. Они не перекачанные, как у Степы, а естественные, появившиеся не только благодаря тренировкам, но и дикой жизни настоящего охотника.

– Роман… Алексеевич… – бормочу я, ощутив его дыхание на своей щеке. – Вы переходите все границы…

– О, я очень плохой мальчик. Накажете? – усмехается он, но все же отступает, позволяя мне вздохнуть свободно. – Дарья? Николаевна?

– Почему вы постоянно делаете паузу между моим именем и отчеством?

– А почему у вас дрожат коленки, когда вы видите меня?

– Вам кажется.

– Вам тоже, – отвечает он.

Не выдерживая его откровенно нездорового взгляда, я прикрываю глаза и выдыхаю.

– Вы переутомились. Идите домой, отдохните, примите ванну с пеной.

Каждое его слово шипящими змеями заползает в мои уши. Я не хочу слышать его, потому что он отравляет меня, лишает покоя.

– Вы сказали, что хотите о чем-то наедине поговорить. – Я снова смотрю на него. Теперь строже, серьезнее. – Я слушаю.

– Вы плавать умеете? – вдруг спрашивает он.

– Умею. И что?

– Купальник завтра прихватите.

– Купальник?

– У Артура бассейн по четвергам. Не откажете же вы ему в совместном занятии?

Не верится, что я все еще стою перед этим извращенцем! Он же в могилу меня закапывает.

– Хорошо, я съезжу с ним в бассейн, – отвечаю я, успокаивая себя, что это только ради мальчика.

Уголок рта Чеховского дергается, но ему приходится переключить внимание на зазвонивший мобильник. И судьба, похоже, продолжает вбивать гвозди в мой гроб, потому что на звонке у этого типа стоит моя любимая песня Depeche Mode «Personal Jesus». Только сейчас она кажется максимально убийственной, идеально подходя Чеховскому.

Он принимает вызов и, поднося телефон к уху, продолжает беседовать со мной:

– Не забудьте купальник. До завтра. Дарья. Николаевна. – Одними лишь губами он посылает мне воздушный поцелуй, разворачивается и уходит.

Приложив ладонь к груди, в которой неистово бьется сердце, я едва не оседаю на пол. Он разрушит. Все разрушит: мою нервную систему, мой брак, мою жизнь.

Легко терять самообладание, когда рядом человек, чья энергетика тебя подавляет. Делал бы кто-то другой подобные намеки, я бы пропускала их мимо ушей или осмелилась пригрозить мужем. Но перед Чеховским я слаба. Он раздавит моего Степу, как таракана по стене размажет.

Я полчаса иду домой, который находится в пяти минутах ходьбы. Дышу свежим воздухом, остужаю голову сентябрьским ветром, заскакиваю в супермаркет за солью для ванн и расслабляющими арома-свечами. Только когда оказываюсь на кассе, спохватываюсь, что это Чеховской поселил в меня мысль принять ванну, отдохнуть. Не то, чтобы я без него до такого не додумалась, просто так церемониально бы к этому не готовилась.

Бреду домой, где Степа уже копошится на кухне, откуда тянется запах свежего ужина.

– Степ, прости, – мурчу я, обняв его со спины. – Снова тебе приходится готовить.

– Раньше ты в три всегда дома была. – Он не отвлекается от перемешивания кусочков мяса на сковороде.

– Не всегда, Степ, не преувеличивай. Раза два в неделю удавалось вырваться. Ты же знаешь, мне удобнее всю бумажную волокиту в школе оставить, а дома себя только тебе посвящать. Смысл мне приходить в три, а потом два часа сидеть проверять тетради и возиться с электронным дневником? Да и к новой школе надо привыкнуть. Я до сих пор в компьютере не разобралась. Столько файлов надо перелопатить. И детки сложные есть, приходится с родителями общаться. В пятницу и вовсе задержусь: родительское собрание будет. А на следующей неделе педсовет. Степ, ты же знаешь, что я не по своей прихоти задерживаюсь.

Он вздыхает, откладывает лопатку и приступает к нарезке томатов.

– Может, на выходных к маме съездим? – спрашивает, так и не глядя на меня. – Помочь ей надо.

Мама у Степы пожилая, одинокая, но из своей деревни категорически уезжать не хочет. Уже много раз уговаривали ее к нам переехать. Бесполезно. Боится потеснить нас в наших восьмидесяти пяти квадратах.

– Хорошая идея. Давай, – улыбаюсь я и, подтянувшись на носках, чмокаю его в щеку. – Пойду помоюсь, раз уж ты сегодня повар.

Степа не поклонник шуток, но когда я превращаю наши напряженные разговоры в кокетливую игру, у него пропадает желание ругаться.

Набрав ванну, залезаю в нее и не сдерживаю стона. Кожу приятно обволакивает горячей водой, по спине и бедрам бегут мурашки. Я закрываю глаза, расслабляюсь и наслаждаюсь этим чудным мгновеньем. Вдыхаю запах ароматной пены и свечей, но чувствую злосчастный дорогой парфюм. Не думаю, что я пропахла им, да и Степа почуял бы, не упустил бы из вида, обязательно выведал бы, не приставал ли кто ко мне. Кажется, я просто в памяти воспроизвожу все, что касается Чеховского: его запах, глаза, голос, порочную ухмылку. Он каждым своим словом, шагом, действием, взглядом диктует мне, что делать. В марионетку превращает, дергая за ниточки и зная о моем бессилии перед ним.

Распахиваю глаза, когда все инстинкты собираются в узел и оседают внизу живота, разводя там пожар. Но даже добавив холодной воды, не остываю. Какое-то нездоровое возбуждение стискивает колючими щипцами, требуя вырваться наружу. Я обнимаю плечи руками и ежусь. Нельзя позволять Чеховскому командовать мной! Но я не могу отделаться от его превосходства даже здесь, дома, в родных стенах, где в нескольких метрах от меня любимый муж накрывает на стол. Безвольно думаю о самых грешных вещах: размышляю, а какой он, Роман Чеховской, в постели? Такой же, как Степа? Или он думает о партнерше и заботится, чтобы оба получили желаемое?

Снова закрываю глаза и не замечаю, как рука соскальзывает в воду и проникает между ног. Пальцами задеваю вершину складок, где сосредоточилось возбуждение, и закусываю губу, выгнувшись. Медленно массирую себя, сдавленно постанывая и фантазируя, что я не одна. Что удовольствие мне доставляет мужчина, который видит во мне самую потрясающую в мире женщину. У которого глаза горят, когда он смотрит на меня. И эрекция не только по праздникам, а всякий раз, стоит мне улыбнуться, игриво наклониться или засмущаться.

Я едва не тону в ванне, мастурбируя все интенсивнее и живее. Ярче представляя себя в мужских объятиях. Заглушая стоны плотно сжатыми губами. Но когда меня сотрясает в сладком спазме, а перед глазами начинают зажигаться вспышки, я не сдерживаю крик.

– У тебя все хорошо? – доносится голос Степы.

Все еще содрогаясь и слыша собственное бешеное сердцебиение, я выравниваю дыхание и отвечаю:

– Да, Степ, свечкой обожглась.

Снова я вру ему. Вру, потому что мысленно изменяю ему с другим мужчиной. С тем, кто хочет мою жизнь покромсать. Чувствую себя последней шлюхой.

Глава 8. Роман

Кукла ерзает на моих коленях, как последняя шлюха. Заливает, что соскучилась и что поняла мой намек.

– Знаю, зачем ты свой ремень оставил. – Ноготками лезет под рубашку. – Ты будешь меня наказывать, да? Наказывать свою плохую девочку?

Я большим пальцем провожу по ее нижней губе.

– Устал от болтовни. Может, ты свой ротик займешь чем-нибудь другим?

– О, Рома хочет щекотушек…

Твою мать, как я докатился до жизни такой? Какая-то дешевая моделька, которая мне в дочери годится, опускается передо мной на колени и ловко ныряет в мои трусы, чтобы отсосать взахлеб. Но не потому что она этого хочет. Не потому что она меня любит. А потому что я осыпаю эту блядь баблом.

– Ро-о-ом, а что сегодня с нашим Романом Алексеевичем? Он совсем вяленький… – жалуется она, стараясь и языком, и губами, и рукой, и сиськами. – Может, тебе сзади помассировать?

Я делаю глоток виски из горлышка бутылки и абсолютно безрадостно смотрю на усердно работающую куклу. Не хочу ее. Ни единого инстинкта, рефлекса. Ни один нерв не реагирует.

Закрыв глаза, запрокидываю голову назад и представляю свою Бабочку. Как беру ее на учительском столе. Как задираю ее юбку, как стягиваю шелковые чулки, рву в клочья блузку. По телу тут же разливается томительная дрожь, внизу начинает твердеть, но кукла сбивает весь настрой.

– Ой, Ром, он откликнулся!.. Бли-и-ин, опять упал… Может, все-таки массаж?

Всучиваю бутылку кукле, встаю и застегиваю брюки.

– Нет.

– Ром, ты до сих пор дуешься? – Она поднимается и одной рукой обвивает мою шею. – Ну прости-и-и… Я больше так не буду… Я правда-правда соскучилась по нашим щекотушкам. Мне так одиноко без тебя. – Прижимается ухом к моей груди и мурчит. – Ты знаешь, мы же можем нашу проблемку парой росписей решить. У меня подружка в ЗАГСе работает. Все сделает быстро и без очереди.

Пиздец блядь! Вот без твоей подружки Роман Чех не решил бы проблему со скоростью и очередью, если бы вновь собрался жениться!

– Я подумаю, – отвечаю, технично отодвигая ее от себя. – Мне надо идти. Работы много.

– Ты у меня такой бизнесменистый, – радуется она, подтягиваясь на носках и чмокая меня в кадык. – Я так горжусь тобой.

– Слушай, а ты не думала в модельное агентство вернуться? Могу протолкнуть.

– Ро-о-ом, ты хочешь, чтобы я работала? – Она дует губки. – У тебя проблемы с деньгами? Так давай какое-то время не будем встречаться? Как наладишь дела, найдешь меня. Может, к тому времени наш престарелый Роман Алексеевич поправится.

Повезло тебе, кукла, что не в моих манерах баб бить. Как въебал бы сейчас по зубному составу, до конца жизни через соломинку бы супчики сосала.

Молча убираю ствол в кобуру, надеваю пальто, беру мобилу и ухожу. Кукла меня не провожает. Разобиделась, что холоден. Да и хуй с ней.

– Быстро вы, босс, – вздыхает Фаза, заводя тачку.

– Издеваешься? – фыркаю.

Он замолкает: знает свое место. А я разблокирую телефон и размышляю над тем, чтобы позвонить Бабочке. Нельзя так скоро. Муж ее взбеленится, она еще сильнее меня возненавидит. Поэтому пишу ей сообщение: «Дарья Николаевна, какое домашнее задание по математике?» Час ночи – самое время для подобных вопросов. Нажимаю «отправить» и думаю, интересно, как она меня в своем телефоне подписала? Чех? Роман? Дядя Артура Логинова? Папа Артура? Явно же подстраховалась перед мужем.

Мы уже к дому подъезжаем, когда она наконец, ожиданием вытрепав мне нервы, присылает: «Уважаемые родители Артура, вся информация в чате! Не мучайте ребенка так поздно. Ложитесь спать!»

Разве я могу оставить это без внимания? Естественно, пишу следом: «Извините. Видимо, пропустили инфу в чате. Спокойной ночи. Дарья. Николаевна».

Представляю, как ее качок сейчас психует, а она доказывает ему, что такие странности среди родителей первоклашек – норма. А еще указывает на количество точек в сообщении, что говорит об усталости писавшего в столь поздний час.

Я принимаю душ, счастливый, что проникаю в ее жизнь все глубже. Теперь я всюду: в школе, в телефоне, дома, в ее постели, в ее ванной, скоро появлюсь в зеркале. Завалившись на кровать, снова беру телефон проверить рабочие чаты и обнаруживаю еще одно сообщение от нее.

«И вам спокойной ночи».

Блядь, я от радости подпрыгнуть готов! Да, детка! Ты точно ко мне неравнодушна! Похуй кукла. Пусть катится ко всем чертям. Я нашел ту, что искал. Ту, о которой грезил. Она, только она достойна стать госпожой

Чеховской. И она ею станет!

Жаль только, что я был кретином двенадцать лет назад. Надо было сразу искать ее, а не спустя два года. Это сейчас я знаю, что она к тому времени в другой город доучиваться перевелась, потому что ее качок там жил. А тогда решил, что пригрезилась мне Бабочка по пьяни, раз ни одной студентки, подходящей под мое описание, нет. Опустил руки, подцепил первую попавшуюся куклу и женился.

Черт, как же она выносила мне мозг! То ресторан дешевый, то бриллианты в серьгах мелкие, то надеть ей, бедной, на ужин нечего. Года не прожили, на хер послал. Но не отстала же, преследовала, истерики закатывала. Назло женился второй раз, чтобы отстала. Женился-то фиктивно, да не удержал член в штанах. Понадеялся, что даже влюблюсь в нее. Напрасно. Повторилась песня.

Потом кукла за куклой без намека на серьезные отношения, пока два года назад моей сестрице не захотелось заключить контракт с одним итальянским мафиози. Ну и ради успешного сотрудничества схлестнулся я с его дочерью. Взяла она меня тем, что роскошная жизнь ей с детства приелась, но после помолвки как с цепи сорвалась. К каждому столбу меня ревновала. А особенно к невесте брата. Собственно, на этой почве мы и разосрались в прошлом году. Отправил ее назад к папочке и больше не звонил. Контракт с ее папашей заключал не я, а сестрица, которая вскоре в психушку загремела, так что я, как обычно, сухим из воды вышел.

Не знаю, чем я заслужил это, но судьба ко мне явно благосклонна, раз вернула в мою жизнь Бабочку. Теперь я ее точно не упущу!

– Ты уже совсем обалдел?! – влетевшая ранним утром в мой кабинет Лучиана швыряет передо мной обнаруженный в сумке «жучок».

Я отрываюсь от ноутбука, перевожу напряженный взгляд с племянницы на появившегося в дверном проеме Фазу и отвечаю:

– Во-первых, почему ты врываешься в мой кабинет без стука? Во-вторых, понизь тон.

– А! То есть твоей верной гончей, – она кивает на Фазу, – можно вламываться в мою комнату и без разрешения шариться в моих вещах, а я должна соблюдать правила приличия?

Я поднимаюсь из кресла, вырастая над Лучианой и заставляя ее верещать тише.

– Сколько можно, Ром? Я что, даже в туалет без твоего контроля уже сходить не имею права?

– Ваше с Артуром поведение вызывает у меня беспокойство. Докажи, что я могу тебе доверять, и я отстану. Я уже говорил, хочешь, организую вам с друзьями вечеринку в клубе. Могу хоть в эти выходные. Только скажи. Я познакомлюсь с ними, успокою себя, что это хорошие девушки и парни, и ты получишь свою порцию свободы.

Закатив глаза, она протяжно выдыхает.

– Ты невыносим.

– Лучик, я хочу доверять тебе. Но пока это не получается.

– Почему? – разводит она руками.

– Посмотри на себя. Ты нервная, капризная, дерганая. Почему перестала следить за собой? Раньше из салона не вылезала, а сейчас волосы в хвост собрала, балахон какой-то бесформенный напялила, в завтраке поковырялась – и все, я не вижу тебя до следующего утра. Я понятия не имею, чем ты живешь. Должна же быть причина, почему ты забила на себя? Тебе плохо в городе? Слетай в Москву, понянчись там с дочкой своей подружки… А-а-а… – доходит до меня. – Тебе скучно без нее, да? Ты всегда с ней везде ходила: в салоны, за шмотками. А когда она уехала, ты затосковала. Лучик, твой мир не должен вращаться вокруг одной подруги… – Вижу, что настроена она по-прежнему враждебно, поэтому смягчаю тон. – Сегодня у нас особенный гость. Дарья Николаевна. Она вроде понравилась тебе. Попробуй пообщаться с ней.

– Ты обо мне печешься? Или ради тебя мне быть гостеприимной? – Мотнув головой, она разворачивается и выходит из кабинета.

Пропустив ее, Фаза прикрывает дверь, и я срываюсь:

– Как, блядь?! Как ты подложил «жучок», что она его нашла?!

– Второй-то не нашла, – расслабленно пожимает он плечами. – Вы же знаете, босс, я не допускаю оплошностей.

Вот же сука сообразительная! Он два подложил: один на видное место, второй – запрятал. Лучиана теперь уверена, что никакой слежки нет, а мы тем временем будем контролировать каждый ее шаг.

– Твою мать, ты напрашиваешься на премию, – усмехаюсь я. – Я сегодня дома поработаю. Так что развози детей и прощупай, чем эта девчонка занимается. Не дай бог, наркотой балуется. Башку ей отверну.

– Будет сделано, – кивает он.

– И не забудь забрать мою Бабочку, – напоминаю перед его уходом. – В три.

Глава 9. Дарья

В три у меня сердце останавливается. Конечно, никакого купальника я не брала: просто не представляю, как объяснила бы Степе рабочий набор из записной книжки, толстых папок и купальника, но не исключено, что занятие в бассейне состоится. И я молюсь, чтобы у Чеховского не оказалось на него времени. Он же человек занятой, наверняка планы часто срываются.

Артур сегодня вел себя по своему обычаю дурно, но хотя бы не трогал окна. А еще похвастался мне, что дядя хочет отдать его в спорт. Так что надежда на перевоспитание этого мальчика есть.

Две минуты четвертого на мой телефон поступает звонок с неизвестного номера.

– Дарья Николаевна? – слышу холодный мужской голос. – Я от Романа Алексеевича. Жду вас внизу. Черный «гелендваген».

Я даже пикнуть не успеваю, как он скидывает звонок. Предвкушаю, что поездка будет веселой.

Дыша через раз, выключаю компьютер, надеваю плащ, запираю кабинет и спускаюсь. «Гелендваген» сложно упустить из вида, когда он возвышается среди учительских «ауди» и «реношек». Парень, что за рулем, выходит из машины и открывает для меня заднюю дверь. Молодой, вполне себе симпатичный, но ледяной, как айсберг. Ни приветствия, ни улыбки, ни единой эмоции. А кожаная куртка поверх черной футболки лишний раз доказывает, что он представитель братвы.

– Здравствуйте, – улыбается мне сидящая сзади девушка.

По голосу узнаю в ней сестру Артура. Очень милая брюнеточка с глазками-угольками и лучезарной улыбкой. Светится, как теплое солнышко.

– Привет, – улыбаюсь в ответ, садясь рядом. – Ты Лучиана?

– Да, я. В универе задержалась.

– Роман Алексеевич говорил, что ты занимаешься научной работой. Молодец.

Ее улыбка уже не кажется столь же искренней, как секунду назад. Еще бы! Ведь Роман Алексеевич явно соврал.

Парень занимает свое место за рулем, заводит машину, и мы трогаемся с места.

– На кого ты учишься? – спрашиваю я у девочки, чтобы как-то разрядить напряженную атмосферу.

– На дизайнера.

– Ух ты! Нравится?

– Моя бабушка всю жизнь занималась платьями. До сих пор держит свадебный салон. Я много лет прожила с ней, ну и как-то втянулась, заинтересовалась. Правда, выбрала направление интерьеров. Только не подумайте, что я помогала обустраивать дом дяди, – смеется она.

От одного только слова «дом» у меня потеют ладони. Особняк Чеховского много раз был предметом обсуждения в новостях. Самая большая и дорогая недвижимость в городе. Я видела фотографии и лишь лихорадочно сглатывала. Современный дворец – не иначе.

– А почему вы стали учительницей? – спрашивает Лучиана.

– Не знаю, – честно отвечаю я. – В школе отличницей была. Почему-то решила, что обязана делиться своими знаниями и умениями с другими.

– Но вам нравится эта работа?

– Я люблю детей.

– А своих нет?

Парень резко тормозит на пешеходном переходе, и мы обе теряем нить разговора. Лучиана охает, дернувшись вперед, и отворачивается к окну. Секунды не проходит, как она хлопает водителя по плечу:

– Саш, там ларек мороженого.

Он бросает на нее мимолетный взгляд через плечо, дожидается разрешения светофора и съезжает на обочину. Включив «аварийку», достает бумажник из бардачка и выходит из машины.

– Мороженое, которое делает наш повар, невозможно есть, – зачем-то поясняет она мне, поправляя ремень безопасности. – Замороженный йогурт из супермаркета вкуснее.

Парень, который обрел имя Саша, открывает дверь с ее стороны и молча подает ей целый пакет мороженого. Лучиана по-детски радуется, шурша брикетами и

не зная, какое выбрать.

– А ты можешь еще газировки взять? – спрашивает она у парня, кивнув на магазин.

– Обойдешься, – фыркает он, хлопнув дверью, а через десять минут приносит ей несколько пакетов натурального сока.

– Дарья Николаевна, угощайтесь! – Лучиана раскладывает все это между нами, распаковывает сразу два мороженого и откупоривает гранатовый сок.

– Спасибо, я обедала, – любезно отказываюсь я, вспомнив свои студенческие годы. Тоже ковырялась в завтраке, пропускала обед, а потом набрасывалась на все, что под руку попадается.

– Саш, только не гони. И включи кондиционер. Душно.

Я запахиваю плащ, потому что мне совсем не душно, но не стану же я качать свои права в чужой машине.

Уже на въезде в пригород водитель сбавляет скорость и, чуть повернув голову, говорит Лучиане:

– Убери все.

Довольно облизываясь, она собирает недоеденное и недопитое в пакет и запихивает куда-то под сиденье.

– Саш, не забудь убрать, а то мороженое растает, – объясняет девушка, распихивая бумажки и салфетки по карманам своего квадратного пальто.

– Роман Алексеевич против продуктов и обычного супермаркета? – улыбаюсь я.

– Не то слово. Помешан на здоровом питании. Но вы же не выдадите меня?

Я ловлю на себе мрачный взгляд водителя, покосившегося на меня в зеркало заднего вида, и едва не передергиваю плечами. Кажется, пискну что-то против, и он меня в ближайшей канаве похоронит.

– Зачем мне это? – улыбаюсь я и перевожу взгляд в окно, за которым мелькают загородные особняки, краем глаза заметив, что он только сейчас включает видеорегистратор.

Сердце опять пропускает удары, а когда мы подъезжаем к воротам, пальцы начинают подрагивать.

Саша останавливается посреди огромного двора, по которому расхаживают громилы в костюмах. Эти больше похожи на охрану, чем на бандитов. Меня даже слегка отпускает, но тут же замораживает, потому что на крыльцо-террасу вальяжно выходит Чеховской. В спортивном трико и майке поверх крепкого тела. Его кожа блестит влагой, волосы беспорядочно спадают на лоб, на груди мокрое пятно. Очевидно, он занимался и сейчас максимально разгорячен.

Мотаю головой, в ужасе от своих мыслей, а Саша уже открывает для меня дверь. Дверь в ад…

– Добро пожаловать. Дарья. Николаевна. – Встречает меня Чеховской не самой подходящей клыкастой ухмылкой.

– В вашу скромную обитель?

Я нарочито веду себя отстраненно и предельно деловито. Знаю, что Чеховской своего не упустит, если снова заметит хоть каплю моего смятения. Пусть забудет о победе. Я не пустоголовая моделька. Я серьезная, уважающая себя и своего супруга замужняя женщина, и наши с Чеховским отношения не зайдут дальше общения учителя и родителя одного нуждающегося в помощи мальчика.

– Тоже считаете, что мало лоска? – парирует он, ничуть не смутившись. – С удовольствием рассмотрю ваши идеи по улучшению этого жилища.

Взгляд его глаз обдает меня жгучим льдом. Клубящаяся серость в их голубизне придает ему тьмы, за которой таятся самые порочные мысли. А самое паршивое,

что Чеховской отлично знает цену своей блестящей обертки: умеет правильно смотреть, уместно улыбаться, менять тон голоса. Даже его жесты отточены так, что выглядят не столько привычными, сколько ленивыми. Но в этой ленце есть что-то завораживающее. Наблюдаешь за ним и испытываешь несвойственный этому катарсис, словно любуешься картиной, полной душевного потрясения художника.

Я невольно вспоминаю, как его губы однажды уже коснулись моей шеи, как вчера он прижал меня к стене в темном школьном коридоре, как ловко проник в мой мозг, выпрямив в нем извилины и отравив. И снова земля уходит из-под ног. Стараюсь думать о том, какой он мерзавец, но не выдерживаю взгляда, туплюсь под ноги.

– Где Артур? Его же нужно свозить в бассейн, – спрашиваю о причине своего визита, пока Чеховской не перешел к флирту, не стесняясь ни своего водителя, ни племянницы.

– Никуда везти не надо. Он уже в бассейне. Вы прихватили купальник?

Резко поднимаю лицо. Чеховской опять лыбится, и мне кажется, огонь, изображенный на его шее и руке, начинает полыхать. Языки пламени словно пускаются в танец.

– Разумеется, нет. Это не входит в учительские обязанности.

– Тогда будете купаться топлесс.

– О боже! – вздыхает Лучиана и берет меня под локоть. – Идемте, Дарья Николаевна. У вас с моей мамой один размер. Уверена, мы найдем среди ее вещей купальник.

– Вы не поняли, я не собираюсь…

– Поверьте, – говорит она тише, вводя меня в сияющий зеркалами и золотом холл, – вам лучше согласиться. Вы же не хотите, чтобы он скинул вас в бассейн прямо в этом?

К нам подходит взявшаяся из ниоткуда женщина в униформе и, любезно улыбаясь, приветствует меня:

– Добрый день! Добро пожаловать! Позвольте? – Она помогает мне снять плащ, берет пальто у Лучианы и уносит их в гардеробную.

Переступив порог дома, я окончательно теряю дар речи. Это уже не фотографии из интернета, напоминающие номера-люкс иностранных курортных отелей. Это ожившая реальность, в которой волнуешься от каждого шага и вдоха, боясь сделать его лишним.

– Идемте-идемте! – Лучиана тянет меня к широкой изогнутой лестнице, и мы поднимаемся на второй этаж.

Я с трудом сдерживаю восторг. В этот дом вложено очень много денег, времени и сил. Здесь трудились лучшие архитекторы, строители и дизайнеры. Тут каждый угол выполнен до зубного скрежета идеально. Рай перфекциониста и ценителя прекрасного. За такой дом многие продали бы душу дьяволу. А я размышляю, во сколько же Чеховскому обходится его содержание. Мебель, декор – здесь все подобрано с любовью.

– Нравится? – улыбается Лучиана, доведя меня до двери в конце крыла. – Маме тоже нравился. А дяде нет.

– Роману Алексеевичу не нравится свой дом? – удивляюсь я.

– Нет, не ему. У него же есть младший брат. Камиль. Он в Москве живет. Всегда называл этот дом склепом. – Она отворяет дверь и вводит меня в просторную комнату. – От мамы осталось много вещей. Часто она покупала, лишь потому что они ей понравились на модных показах или в журналах. Ни разу так и не надела. Купальники входят в их число. Она не умела плавать, так что… – Лучиана выдвигает ящик комода. – Выбирайте.

– Вам с Артуром очень не хватает ее? – интересуюсь я, обводя изящно обставленную комнату взглядом.

– Да нет, – пожимает она плечами и садится на край кровати. – Мама всегда была занята собой, своим мужем, работой. Последнее время прикладывалась к алкоголю. Лечебница – это лучший исход для нее.

У меня мурашки бегут от этих слов. Лучиана не кажется неблагодарной. Вероятно, дело именно в матери. Она не дала детям ни любви, ни заботы, оттого они легко восприняли ее отсутствие.

– Но я хотя бы помню папу. Мне было семь, когда его не стало. А Артур редко видел своего отца.

– Он не жил с вами? – Я начинаю рыться в дорогущих комплектах бикини, ища хоть один закрытый купальник и плохо соображая, зачем вообще это делаю.

– Глеб-то? Он тоже был занят собой. А еще маминой долей в клубе, ее финансовыми делами, своими любовницами. Он вспоминал о сыне только по великим праздникам. Артур фактически вырос на руках Ромы… Кхм… Романа Алексеевича. Это он менял ему подгузники и не спал ночами во время колик, если няня отлучалась по делам. Он помогал ему делать первые шаги, ухаживал во время ветрянки. Кстати, и сам ее подхватил, – заливисто смеется девушка. – Вы бы его видели. Весь в зеленых точках дяденька. Такой забавный. А знаете, за что он переживал? За свою татуировку. Боялся, как бы рубцы не испортили огонь.

Мои губы трогает улыбка, и я рада, что стою спиной к девушке. Незачем ей видеть, что мне небезразлична судьба ее дяди.

– О нем ходит много слухов. Он действительно не сладкий пряник, но любовь к нам с Артуром у него не отнять. Правда, порой она зашкаливает и выходит за рамки. Это у него от дедушки. Тот же в одиночку троих детей вырастил. Так был ослеплен своими чувствами, что мог, не думая, обронить обидную фразу.

– Роман Алексеевич груб с тобой? – Я так и не нахожу закрытого купальника и оборачиваюсь.

– Он видит во мне маленькую девочку. Знает мужские инстинкты, – грустно вздыхает Лучиана. – Разве можно его винить за то, что он желает мне лучшего?

– Но ты все равно нарушаешь правила.

Моя собеседница больше не улыбается. Я зашла за грань. Сама понимаю, поэтому спешу замять ситуацию:

– Здесь только бикини.

– У вас красивая фигура, нечего стесняться.

– Я не привыкла плавать в бассейнах чужих домов. Мне и так все это кажется слишком.

– Почему? Арти очень активный. Он любит конный спорт, тир, аттракционы. Думаете перевоспитать его скучными беседами о смысле жизни? Он из тех, чьи слабые места можно нащупать, только подружившись.

– Копия дяди.

– Да, – не отрицает Лучиана. – Точно. Копия.

Я вздыхаю, запустив руку в ящик и вытащив первый попавшийся комплект бирюзового цвета.

– А ты? Поплаваешь с нами?

– О, нет-нет! Я пас! – Она замечает мою озадаченность, шире обычного распахивает глаза и добавляет: – Эти дни. – Врет. Хоть у меня и не большой опыт работы, а учеников-врунишек быстро раскусываю. Либо Чеховской что-то замыслил, либо у девочки какие-то личные мотивы. – Переодевайтесь. Подожду вас за дверью.

У меня в голове не укладывается. Что я творю? Мне следует пожаловаться Елене Михайловне, если не послушает – пойти в высшие инстанции. Но что тогда? Чеховской опять выйдет сухим из воды. Все, абсолютно все сочтут его просьбу позаниматься с мальчиком плаванием совершенно нормальной. Я подпорчу репутацию, лишусь работы, а самое ужасное – Степа из-за меня бросится на амбразуру. Я совершенно безоружна и связана по рукам и ногам. Не могу

рисковать мужем. Проще подчиниться Чеховскому, а может даже… подружиться. Если Лучиана озвучила правду, то слабое место ее дядюшки я сумею найти через близкие отношения. Сделаю вид, что принимаю его игру, а сама буду присматриваться, залезать в него глубже, чем он в меня.

Ты рано радуешься, Роман Алексеевич. Кто-кто, а я тебе не по зубам.

Глава 10. Роман

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/leya-keyn_/ty-menya-ne-kupish

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить